

Олег Антонов

День Мечты

Оглавление	
Дыра	3
Тестирование.....	23
День Мечты	30
Спутник	41
Проделки наших детей	49
Подарок	62
Тема для размышлений	75

Дыра

Мы сидели в кустах у речки и курили. Витька бросал в воду камешки и ждал, когда я дам ему затянуться. Оставалось на два затяга, я дал ему затянуться, потом затянулся сам и едва пальцы не обжег. В запасе осталось всего две сигареты, но ничего, может у Михалыча можно будет разжиться потом. Хотя он ругается, когда у него закурить просишь. Мал, мол, ещё, но когда выпивши, то сигаретку даёт запросто и не ругается. А какой же я малой, ежели мне скоро четырнадцать будет?

Ладно, сказал я Витьке, пора за мамкой идти, она на Чёрную сопку с утра пошла. Меня звала, но мне тогда надо было с Витькой одно дело обсудить. Он два патрона нашел, возле сарайчика Михалыча, целенькие, только немного сырые. Но я-то сразу подумал, что он их не возле нашел, а в самом сарайчике, дверь-то на запирается. Там приезжие обычно свои манатки складывают, могли патроны и вывалиться у кого из рюкзака. Вот я и сказал мамке, что в обед пойду, помогу корзины тащить домой. А уж до сопки дорогу я знаю, не заплутаю. Мамка и пошла одна. Она лес знает, за нее бояться нечего. Только вот корзины ей таскать не с руки, они тяжелые, тут мужик нужен.

Так что, с Витькой мы патроны решили приберечь, не расковыривать; что я, не видел что ли, как порох горит? Выпросить потом ружье у Михалыча и на глухаря сходить, к осени. Сунул я патроны в карман и пошел за мамкой. Тут Витька за мной увязался, мол, ему все равно, дома делать нечего. Ну, вдвоем-то оно веселей, мы и пошли вместе.

Витька малец ещё, всего-то десять ему. Но других пацанов у нас здесь нету, одна сестра его, Алёнка, да и та малая, шесть ей. Потому я Витьку держу за товарища, хотя он и любит понуть. Пока мы шли, он всё про фильм говорил, что в интернате перед отъездом показывали по телику. Я-то с интерната раньше убёг, как май пошел, так я сразу домой и ушёл. Будут потом ругать, да я не боюсь. Все равно не выгонят, приду осенью. Тут Витька пить захотел, пришлось к роднику, что Птичьим зовут, свернуть. Он как бы в чашу каменную натекает, а в ней птицы купаться любят. Синицы да клесты, мамка говорит, что и сороки тоже любят купаться, только я не видел. Напились мы воды, она тут холодная, вкусная. Витька чего-то головой завертел, мол, слышишь, чегой-то гудит. Я от родника отошел, головой повертел, но ничего не услышал. Это ему, наверное, почудилось. Что в лесу шуметь может - только ветер, да речка. Но до нее уже далеко, не услышать. Может, ветер верхушки качал, вот ему и послышалось.

Дошли мы до Черной сопки, на месте, с мамкой условленном, только одна корзинка с грибами стоит, значит, она где-то ещё ходит, вторую добирает. Витька сел у корзинки да давай грибы смотреть. Смотри, говорит, Петруха, какие они красивые,

блестят, как карамельки, так бы и съел. Я ему горбушку, что из дома захватил для себя, дал. Пусть жует, время-то обеденное, а то и вправду начнет грибы пробовать.

Решил я мамку пойти встретить, чего уж теперь сидеть, домой пора, обедать. Витьке я наказал, чтобы он никуда не уходил, пока не вернусь. Знаю я его, трусливый он в одиночку, еще реветь начнет, если ветка где треснет или сороки начнут трещать. И полез я вверх, по сопке, на ходу манком, что мне Михалыч прошлым летом подарил, крикая. Это я мамке сигнал подавал, чтобы она спускалась вниз. Скоро и ответный крик услышал, значит там она, наверху. Это я ей второй манок у Михалыча выпросил, в лесу ведь уток нет, потому и легко найти друг друга. А орать в лесу не принято, так только заезжие делают, охотник должен лес слышать, а его в лесу никто не должен замечать, иначе никакого зверя не найдешь. Я с Михалычем много ходил, а он охотник хороший.

Мать травы разной набрала охапку, любит она травы собирать, бабка её научила их отличать, пока жива была. Да вторую корзинку с грибами несёт, на бок клонится, и зачем столько набирать? Спустились мы вниз, а там Витька дрыхнет, в теньке под сосной, улыбается чего-то, может, карамельки во сне ест. Хотел я ему мурашей за шиворот сунуть, уже и набрал их в муравейнике на соломинку, да мать не дала. Погладила его по голове, он и проснулся. Мать ему и вторую горбушку, что я для неё принес, отдала.

- Пусть поест, Петруша. Ему расти надо. - Ну и ладно, раз так. А он и говорит: - Спасибо, тётя Маша. – Смотри ты, какой вежливый...

Попили мы воды, что я у родника во фляжку свою солдатскую набрал, и направились домой. Мамка с травой идёт, я корзинки тащу, а Витька, бездельник, впереди скачет, прутиком машет. Мы уже половину дороги прошли, тут сосна без верхушки справа стоит, приметная. Тут Витька, что вперед далеко убежал, на месте замер, потом давай скакать и кричать. Но я и сам уже заметил светлую точку впереди, над лесом. Кажись, вертолет. Да еще как раз оттуда, где наша деревня стоит...

Витька подбежал и орёт: - Смотри, Петька, вертолёт! – Тут он как раз над нами и прошёл, здоровенный такой, но высоко уже. Прошумел он негромко, ветерок прошёл следом по верхушкам. Вертолет как вертолет, только окраска у него странная. Не зеленый, не бело-синий, а серебристый, с большими буквами «СОЧ» на брюхе. Такой к нам еще не летал. Витька вослед смотрит, прыгает и так рад, будто ему конфету дали. Совсем пацан ещё, чего радоваться-то? Ну, прилетели-улетели, не первый раз к нам вертолет, так что теперь, конец света что ли?

Тут и мать говорит: - У нас были, видно геологи... Для охотников-то не сезон ещё, а Петруша? – Очень мне не нравится когда она меня так называет, будто маленького. А Витька уже вперед рвется, охота ему быстрее домой попасть да узнать, кто прилетал. К

нам, вообще-то, редко прилетают, раз в месяц-два. А бывает и по три месяца никого, особенно с зимы на весну, когда ни охотников нет, ни заготовителей.

Да, огорчился я, вот же невезуха, и надо же было мамке сегодня в лес идти. Сидели бы дома, так всё сами бы узнали, а теперь от других узнавать. Когда еще такой вертолет прилетит...

- Может и геологи, - сказал я мамке, - теперь все летают... А может и иностранцев привезли, они могут не то что вертолет, ракеты, вон, в космос нанимают...- Мне и самому хотелось бросить все, да бегом в деревню, с Витькой наперегонки. Но я для солидности только через зубы сплюнул, как старшие пацаны в интернате. Корзины только поставил, чтобы руки поменять, хотя какой толк, все равно корзинки тяжелые, но так вроде легче становится тащить.

Про иностранцев я так сказал, наобум, прихвастнул. Однако Витька сразу пристал, где это я иностранцев видел. А у нас в райцентре прошлой зимой на вольчью охоту каких-то то ли немцев, то ли французов привозили, да только я их сам не видел. Мне Ольга говорила, у нее отец егерем служит. А в классе мы за одной партой сидим. Пришлось приврать малость для Витьки, чтобы идти было не скучно. Мол, были это французы, все из себя, в шубах, да с видеокамерами. Витька сразу давай спрашивать, какие у них ружья были. Но тут я врать не стал, сказал, что сам не видал. Нельзя по городу с ружьями ходить, они мол, их в чехлах держали. Он пожалел, что я ему раньше ничего не сказал, он бы уж и с уроков удрал, чтобы на них поглядеть...

Мы все шагу прибавили, хотя уговор был посредине дороги отдохнуть, да и корзинки мне уже руки оттянули. Но еще больше хотелось быстрее домой попасть. А середину мы уже и прошли, пока болтали.

Только мы на выгон вышли, как сразу заметили, что гости пожаловали. Куча ящиков у реки, где каменистая россыпь поровнее, свалена. Там всегда вертолеты садятся. И люди какие-то ходят у ящиков. Витька, как собачонка перед косточкой завертелся, так ему хотелось вперед убежать, раньше других все узнать. Мать у него траву, что понести давала, забрала. И говорит: мол, беги Витюша, погляди, кто к нам пожаловал. Он на меня просительно глянул, будто я ему хозяин. А мне что, пушай бежит. Я плечами только пожал, а он уже пятками засверкал. Тоже мне, друг, называется.

Когда и мы с мамкой подошли к гостям, у меня корзинки сами из рук выпали. Оставил я их, да осмотрелся. Трое парней ящики друг на друга складывают, видно, что порядок наводят, номера смотрят на ящиках. Да еще парень с девкой стоят поодаль, промеж собой что-то говорят, а рядом антенна, как тарелка большая стоит, я такую у пожарников видал, когда они в позапрошлом году у нас стояли неделю. Тогда на севере

лес горел, они у нас пост держали и по такой антенне через спутник разговаривали с городом. Классная вещь, нам бы такую поставили, только стоит она, наверное, кучу денег...

Мамка моя поздоровалась с новыми людьми, да на камень села, передохнуть, траву не опустила. А те только и сказали: «Здрасьте», да дальше давай ящики таскать. Я тоже буркнул им «здрасьте», сел возле корзинок и смотрю-гадаю, что это у них в ящиках. Только не разберешь, что написано на ящиках пластиковых, одни буквы с цифрами. Тут тот парень, что с девкой говорил, к ящикам было пошел, но нас заметил и свернул, подошел ближе. Поздоровался с мамкой, да мне руку протянул:

- Давайте знакомиться, меня Степаном зовут. Решили у вас поработать немного...

Я руку пожал, сказал, что меня Петром зовут, он покивал, улыбаясь. Хорошее у него лицо, приятное. Тут к нам и девка подошла, поздоровалась с мамкой и мне руку подала, сказала, что ее Юлией зовут. Приехали они к нам станцию какую-то ставить, я и не разобрал, какую, только на нее смотрел. Очень уж она красивая, эта Юлия, глаза карие, волосы до плеч, брови взлет. Мамка ей назвалась по фамилии, меня назвала, хотя я и сам мог бы, потом встала и вроде как собралась уходить, но тут Юлия ее под локоть взяла, да к речке повела, что-то говорить стала. А я сижу, видно, с открытым ртом, потому что Степан на меня странно посмотрел, а я и не услышал, что он спрашивал. Тут я покраснел, да хотел удрать, но он отвернулся, и говорит: - Как тут у вас хорошо, первозданная природа, не то, что в городе, где летом задохнуться можно.

Мне ему и ответить нечем, я пригнулся, шнурки на кедах перевязать, желая только одного – провалиться на месте, исчезнуть, чтобы не видел никто, как я красный сделался, словно калина после первых морозов. Тут и остальные парни подошли, а один, что повыше ростом, белобрысый такой, засмеялся: - Дыра здесь, однако, а не природа! Само название за себя говорит... - Видно, слышал, что Степан сказал.

Но его перебил темненький, что ростом пониже и на бурята смахивает. У нас в классе два брата таких есть, Семеновы. Сам ты, говорит белобрысому, дырка от бублика, здесь места отличные, и речка чистая и тайга нетронутая. А что до названия, так оно свой смысл имеет, может, нам и расскажут, какой, когда поближе познакомимся. Подмигнул он мне и руку протягивает, говорит, что его Иваном зовут.

- А вот этого грубияна, - и показал на белобрысого, - зовут Алесем. Но он только с виду такой неотесанный, а на самом деле очень добрый и воспитанный.

Насчет названия я только потом сообразил, сразу и не понял, почему он нашу деревню «дырой» назвал. А третий, с рыжими волосами и веснушками на скуластом лице, сам Дмитрием назвался и руку мне крепко пожал. Белобрысый Олесь посмеялся еще, но

больше ничего не стал говорить, корзинки наши давай разглядывать. Так я с ними и познакомился. Пока мамка с Юлией говорили у речки, я им грибы показывал да называл каждый, это Степан меня попросил.

Хотел я у них спросить, что это за станцию они ставить будут, да не успел. Михалыч на телеге своей появился, с ним еще парень из новых приехал. Его Михалыч Женей называл. Женя со мной тоже за руку поздоровался и сразу на речку посмотрел, где мать с Юлией беседовали. А я подумал, что смешное у него имя, как у девчонки, есть у нас в школе такая. Давай они на телегу вещи свои грузить, у каждого рюкзак или сумка, да ящики. Решили они к Серым скалам поближе палатки поставить, Михалыч им про мошку сказал, да они только отмахнулись, мол, есть у них, чем комаров отгонять. Михалыч только головой покачал сомнительно да сплюнул под ноги. Я подумал, что городские всегда с собой что-нибудь привозят, да толку мало от их кремов. А, может, и взаправду, есть у них такое средство, что поможет отбиться от мошки...

Тут вспомнил я про Витьку, он же вперед нас сюда прибежал, а сейчас его и не видно. Спросил я у Степана, мол, не видал ли он тут пацана одного, который раньше нас подошел. Так Михалыч вперед него сказал, усмехаясь в бороденку свою: - Мать его домой потащила, драть будет. Весь день его звала, а тут и вертолет давай садиться. Она уж думала, что с ним беда какая... Да тебя нет, вот она и забегала, встрянула его тут, да сразу домой потащила. Достанется ему сегодня, она его уже по дороге прутом так и охаживала...

Я подумал, что не надо было Витьку отпускать, моя бы мамка за него заступилась перед тетей Катей. Но теперь-то поздно, Витьку уже поди отлупили...

Михалыч повез вещи к Серой скале, парни за ним следом пошли, палатки ставить. Степан окликнул Юлию, сказал, что уходят, она кивнула и пошла к ящикам, мамку с собой повела. Тут я заметил, что интересные буквы у них на куртках сзади, по кругу написаны. Сверху стоит «ЧГУ» а понизу «СОЧ». Надо будет узнать, чего это написано.

Ну а мы с мамкой домой пошли. Я хотел было с парнями пойти, но корзинки-то надо домой тащить, пришлось остаться. Подходим мы к избам, а оттуда крики Витькины слышны, видно, тетя Катя не закончила наказание, допрос Витьке ведет. Да, досталось нынче Витьке, только я тут при чем? Надо было ему свою мать предупредить, что со мной пойдет. Теперь тетке Кате на глаза лучше не попадать, а то и мне достанется. Скажет, что это я его потащил за собой... Хотя она быстра на расправу, зато потом же и жалеть Витьку начнет, он потому и орет всегда погромче, чтобы поменьше били...

Вечером к нам Михалыч пожаловал. Сел на крыльце, да начал рассказывать, что парни эти из самой Читы приехали, и девка у них за главного. Они-то сами студенты, а она вроде как инженер. Будут у нас ставить станцию. Что погоду определяет да

показывает через спутник. А еще «тер-ми-нал», со вкусом сказал Михалыч, поставят. Чтобы, значит, могли мы врача вызвать, если что, или там, сообщить о пожаре в лесу... Мамка все с травой возилась, молча, вязала пучки, которые я на чердаке развешивал, для сушки.

Михалыч похвастался, что подрядился им помогать, да сказал, что заплатят хорошо. Потом у мамки моей спрашивает: - А ты то что, Марья? Согласилась готовить для студентов? – А мамка в ответ и говорит, что еще не согласилась. Ну, Михалыч ей попенял, что пацану ее, то есть мне, учиться надо, так лишние деньги не помешают. Мать с ним согласилась, а я подумал: вот о чем они так долго с начальницей-Юлией говорили. Мать у меня готовит хорошо, да только они ведь из города, может и не поглянется им. Небось, привыкли к разным городским кушаньям, что моя мамка и готовить-то не умеет. Да только когда к нам на охоту кто приезжает, то Михалыч ее всегда готовить уговаривает, и никто еще не пожаловался, наоборот, хвалят, да добавки просят...

- Так что, подрядили они меня, с подводой. До скал я им все перевезу, а дальше уж они сами будут таскать, - Михалыч был очень доволен собой, что оказался таким нужным. А к кому же еще им обратиться, если в нашей Прорехе всего восемь изб, да половина-то пустыми стоят. И лошадь с подводой только у него и есть. Витькин отец в райцентре работает, домой-то редко выбирается. А у нас с мамкой одна корова да десяток курей. Есть еще старики Потаповы да бабка Авдотья, но у них кроме коровы да свиней, тоже ничего нет. Вот и получается, что окромя Михалыча и некому помогать студентам. Эх, мне бы к ним подрядиться, да только зачем я им...

Утром Витька прибег, веселый, будто и ничего с ним вчера не было. Только на руках да ногах следы остались от прута, но это для него привычно, его, почитай, через день мать дерет, то он за сестрой не смотрит, то залезет куда-нибудь... И пошли мы к студентам, посмотреть, что они затеяли.

Пришли мы к палаткам, что они поставили под первыми елями у реки, рядом с Серой скалой, сели неподалеку и смотрим, как они ящики открывают, да достают оттуда всякие инструменты. На нас поглядывают, но не отвлекаются. Я для форсу и закурил, мол, не малолетка какой, почитай, парень уже взрослый... Витька сразу заныл, «дай курнуть, хоть затяг...». Ну, я и дал после третьей. Тут Степан с Иваном переглянулись, да подошли к нам. Витька им опять - «здрасьте», сигаретку в зубах держит, сам дым носом выпускает. Степан сигаретку мою отобрал, да в землю втоптал.

- Эх ты, - говорит он Витьке, - дурак малолетний. Еще раз увижу, что сигарету в рот сунешь, так накажу ремнем, что неделю сидеть не сможешь.

Я тут вскочил, хотел на него наехать, чтобы не командовал тут, а Иван ладонью в меня уперся и говорит: - Ты, Петр, человек взрослый, а глупости потекаешь. - Тут я замер, решил погодить, чего дальше будет. А он продолжает: - Поэтому сам решай, будешь ты курить или нет, но только за себя решай. А если Виктору еще раз сигарету дашь, то будешь наказан, как взрослый. Ему ведь сначала вырасти надо, а дальше он сам решит, будет он курить или нет.

Послал я их подальше, да и повернулся уходить. Обидно мне стало, что они меня так опозорили перед Витькой. А он сидит, глазами лупает, тоже мне, друг называется. Но Степан меня окликнул: - Эй, Петруха! - Я и оборачиваться не стал, только он меня в три шага догнал да за плечо ухватил. Я плечом дернул, злой я был, как черт. Щас, думаю, даст мне по шее. Тогда уж я тоже ему врежу... Ну, он руку убрал, засмеялся. Я глянул на него, он руками развел, мол не бойсь, бить не буду. Как будто я забоялся.

- Не злись, - говорит, - на сердитых воду возят. Если ты взрослый, так сам понимать должен, что к чему.

- А я и понимаю, - сказал я, а сам думаю, что начнет он мне лекцию читать, о вреде курения, каких я в интернате наслушался. Да только кто их слушает?

- Вот я так и подумал, - говорит Степан. - Только ведь у нас коллектив собрался из некурящих и если ты с нами пообщаться хочешь, то придется без курения обойтись. А то мы на дух табак не переносим. Хорошо?

- Ладно, - говорю, - не буду я при вас курить.

- Вот и хорошо. А лучше бы и вообще не курил. - Тут уж я только плечами пожал, мол, подумаю.

- Ну, тогда пошли обратно. - Обнял он меня за плечи и повел к палаткам. Злость у меня куда-то пропала, и на Витьку я уже не обижался, хотя не по-товарищески он себя вел. Ну, это ладно, пацан ведь еще.

Потом мы им помогли ящики у речки от дождя да от сырости брезентом закрывать, да вместе к Прорехе ходили, место выбирать для станции. Очень им приглянулась Серая скала, что по правому берегу стоит, всю облазили, даже Юлия приходила смотреть и потом сказала, что лучше места и не найдешь поблизости.

Так и пошло у нас - с утра мы к ним уходили, вечером домой шли. Мамка моя и не говорила против ничего, да и мать Витькина сказала, что рядом с ними мы без пригляда не останемся, они, мол, люди серьезные...

Студенты странные какие-то оказались, видел я зимой одних, в райцентре, так те были ничем не лучше наших старших пацанов, из интерната. Те только и умели, что к

девкам приставать на улице, да меж собой ругаться. А эти другие совсем, с ними интересно.

С утра, только солнце встанет, как они из палатки своей выскочат, на речке умоются, да давай прыгать-бегать по берегу. Степан мне объяснил, что зарядка по утрам - лучшее средство от всех болезней и бодрость дает на весь день. Мы с Витькой первый день посмотрели, а на второй день уже с ними давай делать зарядку эту, за компанию. Степан нас похвалил, да потом, каждое утро что-то новое показывал, упражнения для дыхания, для гибкости. И зубы они по утрам и вечерам чистят, будто без этого они и жить не могут. Мы бы тоже чистить стали, да где ж щетки-то взять? Пришлось пальцем пасту растирать, они нам тюбик подарили. В интернате-то у нас есть и щетки и паста, только утром лень было зубы чистить, разве что на праздники, или когда заставят воспитатели.

А начальница их, Юлия, в палатке, что поменьше жила. И тоже утром с нами зарядку делала, только она не все наши упражнения делала, больше все гнулась да прогибалась, а потом бегала к лесу. Она совсем на начальницу не похожа, никогда не кричит, а уж чтобы ругаться, так этого у них ни-ни... У нас в интернате без крика да ругани никто и говорить не может, даже директор. А тут студенты меж собой, да с другими, все «спасибо-пожалуйста»... И мне Степан сразу сказал: «Будешь матюкаться через слово, да гадости другу своему говорить, можешь к нам и не ходить. У нас так не принято». Так если все кругом говорят, мы то чем хуже? Вон и Михалыч ругается, да и тетя Катя тоже... Мы с Витькой порешили, что будем теперь, когда ругаться захочется, палец прикусывать, а то ведь с непривычки завсегда что-нибудь, да и скажешь, сам не заметишь. А Степан, когда заметил, как я пальцы в рот сую, посоветовал про себя до десяти считать, когда ругаться хочется, мол, хорошо действует. Попробуем, может и лучше.

Палатки у них хорошие, разноцветные, внутри и столик есть, фонари как лампы, висят. Светло от них, не то, что от наших керосинок, что у нас в избах стоят. И чисто всегда, постели аккуратно заправлены, вещи по местам разложены. Книжки студенты читают, а когда и телевизор смотрят, он у них от батарей работает, которые солнцем заряжаются. Вот же бывает у людей счастье-то, причитала Витькина мать, когда первый раз пришла посмотреть телевизор. И то, правда, мы с Витькой телик хоть в интернате можем посмотреть, а уж в деревне нашей никогда его не было. Без электричества какой там телевизор... Хватало пока и приемников на батарейках.

Больше всего сошлись мы со Степаном, он вроде бригадира у студентов, хотя по возрасту они все ровесники, но его Юлия технарем называла, может потому он и командовал. Он мне сразу понравился, приветливый всегда, да не отмахивается, как

старшие пацаны у нас в интернате. Если спросишь чего, всегда ответит, да еще либо сам объяснит, либо из ребят кого попросит. И ребята хорошие, веселые... Анекдоты они редко рассказывают, больше все книжки обсуждают, какие читали или про кино спорят. Послушать интересно, а уж Витьку тогда не оторвешь, все ему интересно, хотя и половины не понимает, потом у меня переспрашивает. Тут уж иногда и приврать приходится, мне ведь тоже не все понятно бывает, когда они говорят.

Работать они дружно начали, мы им с Витькой тоже помогали. Когда на подводу что погрузить, или там подержать рулетку, когда замеры делали. Они поначалу всё меня тормозили, мол, сами управимся. Но потом привыкли и я уже вроде за своего стал. Витька то больше бегал, ему на месте не сидится, да и малек он ещё, чтобы от него помощи ждать. А я пристроюсь рядом, чтоб глаза не мозолить, и слушаю да смотрю. Если воды там принести или инструмент какой, я тут как тут.

А когда раствор месить стали наверху, на Серой скале, где станцию ставить решили, тут и я пригодился. Они со скалы веревку спустили, чтобы воду или песок набирать в ведро, да наверх поднимать. Тут я и стал у них помощником. Они ведро спустят, я воды зачерпну, к скале подтащу да за веревку и прицеплю. А они уж наверх вытянут, вдвоем.

Так и пошла у нас работа, они наверху скалу просверлили, опоры поставили, бетоном залили. Через день, когда бетон застыл, давай домик собирать, для станции. Степан мне пояснил, что станция эта будет температуру измерять, влажность и еще много другого, только я не все запомнил. Хотя он интересно рассказывал, про то, как погоду изучают, как летит в небе спутник и с таких вот станций, которых уже больше тыщи поставили по России, собирает все данные, потом посылает в центр, где компьютеры считают все, да прогнозы делают. И польза для людей большая от этого, и морякам, и летчикам, и геологам.

Интересно мне было студентов слушать, когда они промеж собой говорят. Только многих слов я не понимал, но спрашивать не всегда решался. Олесь надо мной всегда подшучивал, когда я переспрашивал, но не обидно, а так, по-свойски. Да еще дразнил, когда я через слово «блин» или «короч» повторял, так я скоро перестал.

Начальница их, Юлия поначалу-то к ним редко приходила. Всё больше одна по окрестностям ходила-бродила, непонятно что высматривая, приборы какие-то носила с собой. Я и спросил Степана, мол, что ж это за начальник, который на работу так редко ходит. Он засмеялся: - Она свою главную работу делать будет когда мы станцию соберем, она ведь ее запустит и проверку сделает. Да еще пару дней настраивать будем. А пока мы и сами справляемся, чего же ей тут без пользы над нами стоять. А что она по

окрестностям много ходит, так ведь надо все ориентиры на карту занести, замеры сделать, пробные измерения...

Они-то на ученых да на инженеров учатся, в университете, потому у них на куртках и стояло «ЧГУ», из Читы, значит. А «СОЧ», как пояснил Степан, означало организацию международную, которая на всю их работу деньги давало, да учиться помогало. Очень они уважительно о ней говорили: «Свободная организация человечества». Да и часто в разговорах поминали. Что и в других странах с ее помощью разные работы для людей проводятся. Получалось, что организация эта много пользы людям приносит, и не только у нас. Вот теперь будет стоять в нашей Прорехе станция и пользу людям приносить. А про «терминал» Степан мне обещал рассказать, попозже, когда его собирать будут. Да еще обещал, что научит, как с ним обращаться...

По субботам у нас всегда баня. Все в этот день стираются да моются, баньку-то топить каждому по отдельности не вмогуту, да и воду из речки натаскать ещё надо. Но со студентами все весело, да быстро стало. Они с утра все вместе воды натаскают с запасом, дров напилят и наколют, пока старики первыми моются. И мы с Витькой на подмоге. Потом пообедаем все супчиком грибным да пирогами, что мать приготовит. Она ведь согласилась готовить для них, так они по три раза в день ее хвалят. Да и что не хвалить, если мамка моя всякие травки да коренья собирает, да грибы с ягодами им в еду добавляет. Они по три кружки компота или чаю с травками выпивают, да еще просят. А уж по субботам, после баньки, говорят, что лучше ее кваса не пивали... Не зря, значит, Юлия мамку мою уговаривала поварихой стать. А мамка только смущается от похвал этих, но ей-то очень такое приятно. Они с Юлей, как подружки, все подшучивают над ребятами, да смеются. Вот и хорошо, а то мамка моя все больше, по ночам плакала потихоньку, а теперь и песни напевать стала повеселее.

В первое воскресенье, когда отдых объявили, захотели они вокруг побродить. Семён всю неделю интересовался, какие вокруг места есть интересные, так Михалыч им советовал на старую заимку сходить, да только чего там им делать, это ж для охотников интересно - смотреть на оленей, которых Михалыч прикармливает, чтобы они к заимке выходили. Да и то зимой, когда снегом всё закроет, а сейчас какие там олени... И предложил я им на Ягодную поляну сходить, о которой только мы с мамкой знали, сейчас как раз земляника подоспела. Все согласились, только Олесь начал было артачиться, мол, лучше на оленей пойти посмотреть, но после того, как Юлия сказала, что на такую поляну она с детства мечтала попасть, так он и затих.

Вышли мы, когда солнце уже вверх пошло, я их придержал немного, чтобы по росе они не намкли. До поляны идти надо было часа два, пока до поляны дойдем, солнышко и

траву подсушит, и ягоды послаще будут. Пока мы шли, студенты все больше разговоры вели о том, что им еще надо сделать, да как лучше. Но когда до поляны дошли, то все разговоры у них сразу кончились. Я их с восточного края подвел, чтобы поляну лучше видеть было. Встали они на краю, да и замерли. И то сказать, есть, чем любоваться – трава на поляне невысокая, мягкая, под листьями земляничными красные точки видны, а вокруг молодые ели густо стоят, ветру дороги не дают. Юлия заахала, присела и первую ягоду сорвала. Тут и остальные разбрелись, даже белобрысый ворчать перестал, что и в городе клубнику можно найти. Пока они ягоды ели, я в туесок ягод набрал, мамке. Любит она землянику, а ходить ей теперь особенно некогда. Витька ягод наелся, да наладился было полежать в теньке, но я его быстро работой обеспечил.

- Для сестры-то ягоды нарви, - и свернул ему кулек из листка тетрадного. Покряхтел он, но кулек набрал. Наелись все, разомлели на солнышке, на травке мягкой. И правда, хорошо ведь: лежишь в небо синее смотришь, облака белые бегут, вокруг жизнь идет, кузнечики траву пилят, шмель крутится вокруг, мураши по руке ползают... Витька так-таки прикорнул в теньке, под елкой, засопел. Собрались обратно идти, растолкал я Витьку, чтобы он не задерживал всех, дал из фляжки компота попить. И отправились мы обратно, солнце-то уж за полдень пошло.

Обратно я их повел по-над речкою, чтобы они могли посмотреть, почему же нашу деревню Прорехой называют. Михалыч им пояснял, что деревня наша поставлена, была почитай сотню лет назад, когда здесь партизаны от беляков прятались, потом от властей люди прятались, кулаки какие-то... В давние времена между горами было озеро, потом переполнилось оно и разом вытекло через узкую щель, у которой и стоит наша деревушка. Это нам один геолог рассказывал. Если от деревни смотреть на Прореху, то справа стоит Серая скала, выше сосен в два раза. А слева каменистый слоеный выступ горы, его речка снизу подмывает и он осыпается. Здесь у речки самое узкое место и она шумит сильно, камни ворочает. Если снизу по речке идти, то издали кажется, что никакого прохода и нет, Серая скала на коричнево-красном фоне горы только выпирает, на солнце белой кажется и непонятно, откуда речка течет. Чтобы проход увидеть, надо на левый берег перебираться или до скалы впрыток подойти.

Вот теперь я и вывел их поверху, чтобы они с другой стороны на Прореху посмотрели. Вышли мы на горбатый холм, что над самой речкой стоит, откуда хорошо видно Прореху, тут они все и встали, как вкопанные.

- Вот это да, - сказал Ваня, а Юлия только рот открыла, белобрысый головой мотает, будто лошадь, которой мошка глаза залепила. Может, они в городе всякого повидали, да только такого раздолья они не видали. Постояли они так, посмотрели, Олесь

первым очухался, сделал пару шагов к речке, а дальше забоялся, там склон крутой, и трава скользкая. Посмотрел он вниз, на речку, на ели, что верхушками торчат под ногами, да обратно вылез. Степан руки раскинул, будто простор этот ему обнять захотелось, улыбается, на солнце жмурится. Юлия попрыгала, как девчонка, потом крикнула: - Ого-го... - И слабое эхо снизу отозвалось: - ..го-го. Витька здесь уже был, ему это было не в новинку, сел на траву, дожидаясь пока обратно пойдём. Ну, покричали они, особенно белобрысый надрывался, да только здесь эхо неважное, зато есть одно место, чуть выше от Серой скалы, так там эхо по три раза слышно, да громкое такое. Потом им покажу, пусть покричат, порадуются.

Порадовались они, как дети малые, и Витька с ними развеселился, не усидел. А я прошел вперед и посмотрел еще раз на широкую, будто чашу долину, на блестящую внизу речку, на обрывистый склон ущелья напротив, с щебнистыми осыпями, по которым так трудно ходить. Мне всегда хотелось отсюда разбежаться и руки раскинуть, полететь, как птица, к тому местечку, что я прошлой зимой высмотрел, когда на лыжах ходил за Михалычем, да только крыльев негде достать... Это местечко я заметил, да только зимой недосуг было к нему сходить, да и боязно одному, может теперь получится со студентами.

Вернулись мы в деревню, мамка моя уже заждалась, встречать вышла к Серой скале.

- Как прогулялись, небось голодные? – спрашивает, тут ей Степан сюрприз – букет подает, и когда нарвать успел? Мамка моя зарумянилась и лицо за цветы спрятала.

- Спасибо вам, Марья Гавриловна, - говорит Степан и краснеть начинает, - сын у вас такой замечательный.

А тут ей и Юлия подарок – земляники баночку подает, это она здорово придумала, у мамки глаза заблестели, так завсегда бывает, когда она плакать собирается. Но она головой только мотнула, да «спасибо» прошептала. И пошли мы обедать, мамка с Юлией впереди, под ручку, а мы за ними. Тут Ваня Степану, еще красному, руку пожал, а белобрысый только головой вертит, будто его оглоблей по затылку стукнули. Женька как в воду опущенный идет и только на Юлию смотрит, он за ней все время взглядом водит, но когда она подойдет, слова сказать не может, Алесь его обзывает Ромео, а он только краснеет. А мне так приятно стало, что мамку мою они так уважают.

Я раньше-то думал, что зря она согласилась, будто прислуга, какая на них готовить, да они с первого дня только и делали, что хвалили. Я от них и намека не слышал, а если б услышал, так не посмотрел бы, что взрослые, сразу бы взрезал... Да только не такие они ребята, мне бы таких друзей!

Сделали они опоры на скале, потом начали саму станцию собирать из серебристых панелей, только Степан сказал, что они не алюминиевые, а сплав какой-то, но тоже легкие. Тут нам пришлось повозиться, ведь таскать их на скалу неудобно, пришлось поднимать на веревке. Михалыч ящики подвозил на своей телеге, мы со Степаном панели те из ящиков доставали, веревкой обвязывали да смотрели, чтобы груз не крутился. А наверху парни сколотили стрелу, как у крана и колесики приделали, блок называется, чтобы тащить легче было. Всю неделю собирали станцию, Юлия тоже начала из ящиков приборы какие-то доставать, но это без нас с Витькой было, мы все время у скалы работали. Дожди нам помешали немного, но в субботу Степан сказал: - Вот и сделано половина работы! Теперь отдохнуть надо хорошо, да за самую сложную работу браться.

Я-то думал, что мы наоборот, самую трудную часть сделали, а белобрысый засмеялся: - Это физически была сложная часть, а теперь начнется интеллектуальная. Нам ведь не просто избушку построить надо, а станцию! Тут мозгами придется поработать, а это не у всех получается...

Насчет мозгов я намек понял, только вида не подал, потом у Степана, когда мы вдвоем оказались, спросил, какая ж тут работа для мозгов. Он и объяснил, что станция из разных блоков состоит, каждый из которых должен что-нибудь измерять, запоминать, потом передавать в центральный блок, откуда все данные на спутник отправляются. Вот они теперь, под руководством Юлии и займутся тем, что начнут каждый блок проверять, настраивать, да с центральным блоком соединять. Рассказывал он мне все подробно, но я только главное уловил. Он и обрадовался, когда я ему все своими словами повторил. Он любит меня переспрашивать, сначала что-нибудь расскажет, а на следующий день и переспросит, будто между делом. Ну, я и старался все запоминать, он ведь интересно рассказывает, не так как в школьных учебниках пишут...

Вечером в субботу, уже спать все улеглись, слышу я, как понизу деревни заорал кто-то: «Из-за острова на стрежень...». Значит, думаю, привез Михалыч из райцентра своего сыночка. Опять вдвоем надрались по дороге, теперь до утра не уймутся, будут орать, да еще подерутся. Так оно и вышло. Николашка сварщиком работает, жена у него с дочкой, живут они в райцентре, но, почитай, раз в месяц, когда Михалыч спускается за припасами и к ним заезжает, он решает «дом родительский навестить». Наберут они водки с отцом, да и начнут пить еще по дороге, в деревню приедут и здесь продолжают. Николашка по избам ходит, хвастает своими деньгами, или приставать начинает к кому, а унять некому. Михалыч завсегда, как напьется, жену свою бьет, или с сыном драться начинает, если тот под руку попадет. В воскресенье они с утра помиряются, а к вечеру

опять подерутся. А в понедельник папаша своего сынка с утра кинет, поперек седла, да отвезет обратно, вниз. Ему же работать надо.

Только в этот раз Николашке не повезло, нарвался на неприятности, решил разобраться со студентами. Мимо избы нашей прошел, спотыкаясь в темноте, снова ту же песню орать начал, только никак он дальше первого куплета продолжить не может, забывает. Куда ж это он направился, подумал я и выскочил на крыльцо. Николашка уже на выгоне по новой песню заорал было, да сразу и смолк, видно свалился. Мамка следом вышла, спросила, куда это он направился, ну я и сказал, что к студентам. Смотрю, она лампу взяла.

- Куда это? - спрашиваю, а она только рукой махнула, да с крыльца подалась. Ну, я за ней следом, вот, думаю, сейчас Николашка начнет к парням приставать, чего мол приехали, да еще Юлию увидит, так ползет знакомиться-обниматься... Он любит покривляться, когда пьяный, трезвый-то вроде мужик спокойный, а как выпьет, то будто клоун в цирке, придуривается... Дошли мы до выгона, смотрим - а Николашку обратно волокут, Степан с Алесем его за руки тащат. Николашка фонарь наш заметил, да давай дергаться, опять орать начал.

- Батя! Давай этим засранцам щас устроим...

Думал, видно, что это Михалыч ему на выручку идет. Мамка моя его пожалела, вы уж его ребята не бейте, говорит. А Степан удивился, зачем, мол, его бить, он же пьяный. Сейчас мы его в баньку отведем, там он и проспится к утру. Мамка еще спросила, не натворил ли он чего у них, но Степан ее успокоил, что мол, ничего он не сделал, только пошумел малость. А я поначалу-то думал, что побьют Николашку, он ведь неугомонный, когда напьется. Но ребята бороться умеют, сам видел, как они тренируются, видно для них скрутить такого – пустяковое дело.

В воскресенье собрались мы, и пошли пораньше на Даль-озеро, где рыба хорошо ловится. Погода нам, будто нарочно, выдалась классная. Дошли мы к озеру в обед, накупались, рыбы наловили... Обратном шли, песни пели, Юлия так хорошо пела, голос у нее негромкий, но приятный. Да и Алесь постарался, очень у него смешно частушки выходили, все чуть не падали со смеху. Пришли домой, а тут и дождь начался, будто нас дожидался. Но мы всё равно рыбу в глине, как Ваня научил, запекли, да до самой темноты просидели у костра.

Женька нам с Витькой рассказывал о том, как у них учиться интересно, сколько приборов всяких, да установок с компьютерами в лабораториях, как они на них учатся работать, какие исследования проводят. Получалось у него так, что физики только и

делают, что какие-нибудь опыты проводят, изучают материалы всякие или законы. Очень хотелось бы мне на такое посмотреть.

- У нас тоже всяких приборов хватает, - загорелся Ваня и мне подмигнул, - да только у нас интереснее, мы ведь живую природу изучаем. Биология сейчас поважнее будет, чем всякие там плазматроны или ускорители частиц. Каждый год новые болезни заводятся по всему миру, без нас человечество вымрет...

Тут и Алесь в спор полез, они ведь почитай каждый день такие споры устраивают, хоть мне и не всё понятно, но интересно слушать. Вот и сейчас, начал белокрысый доказывать, что биология, да и физика без них, химиков вообще бы ничего не смогли сделать.

- Как же вы без полимеров или реакций синтеза лекарства свои делали, - попрекал он Ваню. А Женьке и Степану, кричал так, что слюна летела: - Да если бы Менделеев свою таблицу не придумал, вы бы к трансурановым элементам еще только подбирались бы... А из чего без нас строили бы ракеты? Из чего компьютеры собирали?...

Так они могли спорить до бесконечности, но Юлия их быстро остужала, когда просила призадуматься над тем, что они все делали бы без математики. Тут все в затылках чесать начинали, только Ваня хитро усмехался, но в спор не лез, признаваясь, что да, даже древние шаманы да алхимики всегда всё брали в пропорции, а это явная математика.

К нам и мамка приходила, с Юлей пошептать. Оказалось, что Михалыч сынка своего в обед обратно увез. Вот и хорошо, а то ведь он опять напился бы, да в драку полез, совсем дураком становится после водки. Да и у Семеновны меньше синяков будет, Михалыч-то один почти и не пьет...

Заблестел на Серой скале домик, на солнце мягко отсвечивает, не резко. Посмотришь на него утром, пока он в тени ещё, кажется, будто облачко застряло на верхушке, вот-вот ветром сдует.

Юлия теперь с утра до ночи на скале пропадать стала. Дверцы домика распахнуты, внутри ящички разные стоят, блоками называются, проводами разноцветными соединяются. Вытащат ребята внизу из ящичков блок, Степан с Женькой в палатке его к компьютеру своему складному подключат, проверят и отнесут наверх, где Юлия его в домик вставит, подключит к нему провода всякие, да на своем компьютере тоже начнет проверять. На экранах картинки всякие смотрит, какие-то цифры набирает. Ох, и классные у них компьютеры, когда первый раз увидел – обалдел, размером как две книжки, зато все умеет. У нас-то в интернате таких сроду не было, а те, что есть уж старые, целый стол один занимает. Женька нам с Витькой даже поиграть дает, когда время есть свободное в обед, или вечером. Вот бы такой заиметь, да только стоит он, как Алесь сказал, столько,

что лучше и не мечтать. Таких денег у нас всей деревней и за десять лет не набрать. Но Ваня его опять поправил: - Если Петр захочет, то и не такой сможет заработать, покруче. Правда, Петро?

Я, конечно, согласился, только вот как он это себе думает? Если я после интерната в армию пойду, потом работать пойду, ну там шофером или, как Михалыч советует, нефтяником, то когда ж это у меня такие деньги появятся?! Лет через десять только, да и зачем мне тогда этот компьютер, вон, в райцентре, сколько вахтовиков работает, но что-то я не слыхал, чтобы у них компьютеры были. А Ваня серьезно на меня смотрит, будто мысли мои читает, потом и говорит: - Ты ведь парень серьезный, если будет у тебя желание, то добиться всего можно. Но помимо желания надо еще и терпение иметь, чтобы добиться намеченного. Вот сейчас ты в школе учишься... Если закончишь школу хорошо, то можешь смело к нам, в Читку приезжать, поступать учиться в институт или к нам, в университет. Чем сможем, поможем.

Тут уж я совсем обалдел, раньше я даже и не думал о таком, да и разве для нас это? Мы ведь деревенские, какие там институты... Вот в интернате, лежим мы в спальне и кто-нибудь начнет о том, что после школы будет делать, то больше всего говорят о том, что лучше работать водилой на Камазе, или податься на нефтепровод какой, где можно выучиться на сварщика, или на трубоукладчика. Они, говорят, хорошо деньгу зашибают. Вон, у Семки папаша на насосной станции работает, так каждый месяц ему подарки возит, машину себе купил новую...

Тут и Степан отвлекся от книжки, что читал. Он завсегда после обеда книжку какую-нибудь читает. Правильно, говорит, Ваня, если есть у Петра желание да мечта, так он своего добьется. И Ломоносов из деревни пешком учиться пришел, а тут парнишка может нормальную школу закончить, уж учебников в школах хватает, а если что сам не поймет, то на что тогда учителя? И рассказал мне, что Ваня, мол, тоже в интернате учился, закончил на отлично, с медалью. На биолога учиться поступил сразу. И теперь учится на отлично, лучший студент в группе, на третий курс перешел, стипендию получает, да еще вот летом зарабатывает хорошо. Да и Олесь тоже с родителями в Читку приехал не из большого города, а из маленького гарнизона, где отец его служил...

Слушал я Степана и хотелось мне всё это обдумать, да с Витькой обсудить. Он, хоть и пацан еще, но всё-таки друг мне. Сколько раз бывало: мы с ним устроимся на солнышке где-нибудь, да и, глядя на белые облака, мечтаем... Витька все больше летчиком хочет, или шофером. Чтобы на машине ездить, или летать на вертолете. А мне это меньше нравится, чем в лесу ходить. Столько всего за день можно увидеть, чего ни в

одной машине не найдешь. Все машины одинаковы, а каждый гриб сам по себе растет. Да только Витька этого еще не понимает, одним словом, пацан.

Тут обед закончился, парни на скалу отправились, а я по дороге решил, что надо будет сводить Степана или Ваню к тому местечку приметному, что я зимой заметил. Одному или с Витькой как-то боязно туда идти, а мамка только отмахнется, далеко туда. Но очень уж захотелось мне проверить, не привиделось ли мне тогда мерцание какое-то. Михалыч тогда оглянулся на скалы, да ничего не заметил, а я ведь хорошо видел, как между ними переливается зелено-розовое, будто на ветру ткань тонкая колышется, только ветра тогда не было, я еще удивился, как так получается...

Уговорил я всё-таки Степана сходить туда, только это уже перед самым их отъездом было. Закончили они станцию налаживать, заработала она, терминал, что на телефон с экранчиком похож, в избе Михалыча поставили. С нами и Ваня пошел, мы с ним подружились крепко, сколько раз с мамкой втроем ходили за травами, да грибами! Он все интересовался, как мы травы да грибы называем. А он в ответ говорил, как по науке надо называть. По латыни, говорит, все растения и животные свои названия имеют, чтобы ученые с разных стран могли друг друга понимать, когда меж собой разговаривают, или там, по Интернету общаются. Много он названий знает, но не все еще. Мамка моя не лыком шита, рассказала она ему про то, что разрыв-траву надо только ночью собирать, иначе силы в ней не будет, так Ваня потом в тетрадку свою все переписал, я сам видел. Мамка-то много еще чего знает, да только никому, кроме меня не рассказывает, это, говорит, секреты семейные, в чужих местах свои секреты есть, там и травы по-другому зовутся, и силу другую имеют. Я завсегда запоминаю, что мамка мне говорит, это ведь пригодится, да и мне самому нравится про травы, про деревья узнавать...

Подошли мы по речке к месту тому, что от деревни нашей за три часа ходьбы, с нашей стороны там распадок от реки отходит. Михалыч его Восточным зовет, зимой солнце прямо из него встает, а по распадку лоси к реке ходят. А напротив, через речку, склон как стена стоит каменная, из него и торчат черные камни, от воды метров двадцать вверх. Камни черно-сизые, будто обгоревшие торчат из серо-коричневой стены, у одного вершинка острая, другой весь округлый, а пониже третий, едва виден. Солнце над нами стоит, теней на склоне нет, а между камнями, будто дымка какая-то стоит, зелененькая. Я Степану и показываю пальцем на неё, издали-то ее и не заметишь, пока не встанешь напротив скал этих. Пока мы шли, я им про мерцание рассказал, они вроде бы и верили, но я-то заметил, что сомневаются. Да и как поверить, если я это зимой только раз и видел. Подошли мы, поставил я их напротив склона, к самой воде подвел, чтобы лучше видно было. Смотрите, говорю я им, видите?

- Вижу, - говорит Степан и щурится, - два камня черных, видно порода крепкая, да и по цвету отличается от склона. Видно, выходит здесь какая-то порода. Да чуть ниже торчит камень, такого же цвета. А больше ничего...

- А между ними, промеж камней-то видишь чего? – спрашиваю, и на Ваню смотрю. Он тоже ладонь к глазам приставил, чтобы солнце не слепило, хотя оно стоит над головой, и смотрит на камни. Таких-то камней нигде больше я не видел, и у Михалыча спрашивал, он тоже не встречал.

- Нет, - говорит Ваня, - ничего кроме камней черных не вижу. Да и чего там может быть? Разве что паутина, да только как она там держится, между ними метров пять, таких пауков здесь не должно быть...

А я смотрю, и вижу, пусть и не очень хорошо, но колыхается между этими черными глыбами что-то зеленоватое, медленно так, только форму не угадаешь, как размытое пятно, к нижнему камню тоже тянется. И слегка так, едва заметно, розоватым пробивает, будто это и вправду ткань прозрачная, вроде тюли, что в интернате в спальнях вешают, но только потоньше...

Так ничего парни и не заметили, хоть я им и пытался объяснить, да только трудно это оказалось, чуть язык не сломал. Нет, говорят, не видим ничего и все. Так мне обидно стало, что я решил влезть наверх. Может это у меня с глазами что-то не то, так может, вблизи я лучше разгляжу, что же там есть такое. Ваня по речке бродил, она здесь небольшая, перепрыгнуть с разбега можно, или по валунам перебраться. Все камешки рассматривал, пока я наверх пытался забраться, да только и до половины не долезешь, крутой тут склон. Степан фотоаппарат свой достал, подальше отходил от речки, даже на склон холма поднимался, фотографировал. Запыхался я, но так и не влез на эту чертову стенку. После третьего раза Степан меня остановил, хватит, говорит, Петруха, не влезешь. Сам попробовал, но дальше моей отметки не поднялся, не за что зацепиться, говорит.

- Здесь надо сверху спускаться, - сказал Степан, когда мы сели под старой елью передохнуть. – Закрепить веревки наверху и вниз спуститься, пара пустяков. Только у нас времени уже не осталось, да и веревок нет, надо было тебе пораньше сказать, Петруха. Мы бы от Серой скалы сразу на хребет поднялись, да по нему бы и прошли до этого местечка...

Передохнули мы с полчаса, потом я их на родник сводил, что в распадке, вода там с пузырьками идет, но на вкус она не каждому нравится. Ваня сказал, что это вода минеральная, фляжку набрал, чтобы другие попробовали. Вернулись обратно, я смотрю вверх – а мерцания то и нет! Исчезло, видно на солнце, что теперь до черных камней добралось, его и не разглядишь.

Так мы и ушли, Ваня мне показал по дороге несколько камешков, что на осыпи подобрал, среди них и два черных. Их, говорит, я геологам покажу, они анализы проведут, тогда и узнаем, что это за скалы такие. Ладно, говорю, только я-то как об этом узнаю? Вы ведь скоро уедете... А Ваня засмеялся, обнял меня за плечи. Степан, призадумавшийся о чем-то, посмотрел на нас, да тоже усмехнулся.

- А как ты думаешь, терминал для чего мы Михалычу в избу поставили? Когда мне геологи результаты скажут, я тебе сам сообщу. Вон, Степан тебе покажет, как терминалом пользоваться...

А я и вправду, забыл, про терминал-то. Женька с Алесем на крышу избы закрепили черные панели, солнечная батарея называется, она для терминала, на котором как в телевизоре или в компьютере все видно, энергию будет давать. Это нам для того поставили, чтобы можно было с райцентром связаться, если беда какая случится, или станция работать перестанет. Михалыч на него смотрит с опаской, боится трогать. Дорогая небось игрушка, говорит, не дай бог сломаем. Степан мне все показал, оказалось, что если тебя вызывают, то две кнопки нажмешь, и все видно и слышно становится. Труднее самому кого-нибудь вызывать, для этого надо адрес из цифр и букв знать. А для того, чтобы в райцентр позвонить, надо только две цифры вначале набрать, а потом и обычный номер...

Грузились они в вертолет недолго, ящики-то теперь пустые были, легкие. Вся деревня их провожать собралась, и старики вышли и малые, Ленка с Витькой всё вокруг крутились. Мамка моя всем им по туеску поднесла, с травами да грибами сушеными, с настойкой, что бодрость дает. Я туески всю неделю последнюю плел, видел, как она на чердак лазит за травой да грибами. А бутылки маленькие она у Михалыча выпросила, охотники приезжие в них как-то пиво привозили. С Юлией мамка обнялась, та ей конверт какой-то сунула, наверное, теперь письма писать будут, друг другу, да только за почтой у нас, кроме Михалыча ездить некому. Степан нам с Витькой по авторучке подарил, красивые ручки, трехцветные. Ленке Ваня подарил куклу, что из дерева сам выстругал, а Юлия какие-то наряды из разноцветной пленки сделала, вот уж у кого радости было!...

Олесь мне руку крепко пожал, да по плечу похлопал. Все-таки хороший он парень, надежный, хоть и любит подшучивать. Женька мне книжку фантастики оставил, свою любимую, которую он берег и даже обложку специальную сделал. Читай, говорит, Петр про то, как люди мечтают о будущем. Может, говорит, и построим светлое будущее, если правильно мечтать будем. Что ж, думаю, и прочитаю, раньше-то я читать не особенно любил, разве что про охотников.

Когда вертолет уже закрутил лопастями, и Витьку из него выперли, подошла ко мне Юлия в щеку чмокнула и на ухо прошептала: - Ты мать береги, Петр Алексеевич, не обижай!... - Женька тут сразу на меня сердито покосился, кулак показал и следом за Юлией в вертолет полез, дурачок. Будто я ему могу дорогу перейти, вот смешной...

Попрощались они со всеми, Михалыч уже поддатый, всех на охоту приглашает, Старики Потаповы кланяются, что парни им крышу бесплатно починили... Поднялся вертолет, повисел немного, да и ушел на восток, мелькнул напоследок серебристой точкой - повез друзей моих в город. Тут от ветра и у меня слезы выступили на глазах, но никто их и не заметил...

В интернат я собрался пораньше, Михалыч даже удивился, чего это я так рано, сентябрь еще не начался. Ну, я ему и сказал, что решил теперь за учебу взяться, он головой покрутил и похвалил. А мамке сказал, что может теперь из Прорехи хоть один человек в люди выйдет, а то ведь дальше райцентра никто и не выбрался. Но я учиться всерьез решил не для того, чтобы в город насовсем уехать. Мамке только по секрету сказал, что хочу выучиться на биолога, как Ваня, да обратно сюда приехать работать. Сколько у нас здесь интересного да полезного, Ваня мне много рассказывал, вот и решил я теперь, что выучусь, да вернусь обратно. Он ведь так-таки сообщил мне, неделю назад, что камешки эти вполне обычные, но вот Юлия попросила своих знакомых посмотреть на район наш со спутника, может, что и заметят. Тогда он мне сообщит об этом, адрес интерната у него ведь есть. И еще он сказал, что Степан что-то там на своих фотографиях разглядел, что-то интересное, да только сейчас он в отъезде. И, может быть, что следующим летом к нам кто-нибудь приедет. А я уж и сам собирался к следующей весне приготовить веревку. Вот и знатно было бы, если летом ребята опять приедут, мы с ними все тогда и осмотрим, а я их еще к пещерам свожу, что у верховья нашей речки Чистой, там есть ход такой, как колодец глубокий, и что-то там шепчет негромко, но туда мы с Витькой лезть побоялись...

Так что тут и думать не о чем, надо учиться. Когда я учебу закончу, к тому времени и Витька вырастет, мы с ним, да с мамкой столько трав хороших соберем, грибов да ягод... Дух захватывает, как подумаешь, сколько можно хорошего для людей сделать, сколько витаминов и лекарств понаделать из того, что вокруг растет. Может ещё о нашей Прорехе вся Россия узнает, дай только срок...

Тестирование

С противоположной стороны Дубовой площади пятиэтажное здание института НТ, выдающееся вперед полукруглым белым фасадом казалось невысоким, да ещё широко распахнувшиеся боковые крылья прижимали к земле. А может, это окружающие площадь высокие дубы, тянущие свои черные голые ветки, припорошенные снегом, к низкому серому небу делали его ниже? Интересно, а как выглядит институт сверху? Похож ли он на птицу с распростертыми крыльями? Тут подошел Андрюха, и они поспешили через заснеженную площадь, мимо заваленного снегом вровень с парапетом фонтана.

- Где вы пропадаете? Все уже пошли наверх, - недовольно бурчал Сергей, староста класса, пока они снимали куртки и вешали их на плечики. Поднявшись на четвертый этаж, они вышли из лифта и оказались в светлом коридоре, выложенном упругой серой плиткой, ходить по которой было приятно, а звук шагов превращался в легкий шорох.

- Пришли, - сказал он, когда на экране очередной двери появился номер «48» и надпись: «Тестовая лаборатория. СФХО». Дверь открылась на удивление легко, и на них нахлынул шум голосов.

- Внимание, всем внимание! - похлопал в ладоши, привлекая внимание собравшихся школьников, невысокий толстенький человек с большой, блестящей как лакированной, лысиной, окаймленной редкой каймой каштановых волос, зачесанных за уши и наползающих на воротник белого халата. - Наша лаборатория пригласила вас, молодые люди, в качестве испытателей нашей новой разработки и теперь я должен объяснить, что мы будем делать вместе и для чего. Институт новых технологий работает над многими проблемами современности: транспорт и связь, социальные отношения и биотехнологии... Наша лаборатория специализируется в области сбора и обработки информации; здесь проводятся различные исследования, создаются новые методы и приборы, помогающие информацию собирать, записывать и использовать...

Юрка решил, что лекция доктора технических наук и ведущего разработчика Системы Формирования Художественных Образов будет скучной, и принялся потихоньку осматриваться. Часть комнаты справа от входа занимали стойки с работающими приборами и пульт управления, с десятком экранов, за которым сейчас сидело трое в белых халатах. Слева от входа, вдоль стены располагались рабочие места операторов, разделенные невысокими, в рост среднего человека, стенками из матового пластика. Большие плоские экраны в глубине кабинок сейчас были темны, на ближайшем столе лежали перчатки-манипуляторы, клавиатура располагалась на выдвижной консоли с

изменяемым наклоном под столом и, судя по едва заметным выступам на месте клавиш, была сенсорной. Кресла перед столами были похожи на кресла зубоорачебного кабинета, или на кресла пилотов космических челноков, какие показывали в новостях. Но больше всего его заинтересовал шлем с черным матовым забралом...

- Напоминаю еще раз, - раздался в наушниках голос доктора, когда все заняли свои места и помощники доктора помогли освоиться с креслами и шлемами. - Первый этап состоит в том, что наша система знакомится с каждым из вас, выявляет некоторые характеристики, позволяющие ей подстроиться под ваше восприятие. Надеюсь, что все уже освоились с перчатками и шлемами, поняли, как использовать манипуляторы и педали, и теперь всё ваше внимание должно сосредоточиться на экране. Первый этап займет не больше тридцати минут...

Юрка читал появлявшиеся вопросы и указания на экране, нажимал клавиши и двигал рукоятки джойстиков, вмонтированных в подлокотники кресла, следил глазами за перемещением цветных пятен на экране, нажимал ногами на педали кресла, повторял вслух то, что ему диктовали через наушники... В общем, делал всё, что требовалось и был даже немного огорчен, когда проверка закончилась, и на экране появился доктор Давыдов.

- Отлично, ребята и девчата! Надеюсь, что этот предварительный этап не утомил вас, - жизнерадостно сообщил он и с заговорщицким видом поднял указательный палец. - А теперь вам предстоит второй этап, более интересный и зрелищный. Система будет предъявлять вам слова и соответствующие зрительные образы, по принципу 'от простого - к сложному'. Если же вы затрудняетесь с самим словом, то есть, не понимаете или не знаете его значения, то не стесняйтесь нажать левую педаль под ногами, чтобы получить помощь. В русском языке сорок тысяч слов, но в обиходе употребляется не больше семи тысяч, поэтому не удивительно будет, если вы столкнетесь с теми словами, которые вам незнакомы. Давайте потренируемся...

Слова были разные, картинки по большей части представляли собой фотографии, но попадались и рисунки. Вскоре Юрка уже освоился и уверенно нажимал кнопки. Однако, когда они перешли к предложениям и фразам, он прочно застрял, встретив выражение: 'Носиться с писаной торбой'. Тут он вспомнил о педали и сразу получил подсказку...

Когда на экране снова появился доктор и предложил сделать пятиминутный перерыв, лаборатория наполнилась шумом недовольных школьников. Всем хотелось продолжить увлекательное тестирование, больше похожее на игру. Юрка с сожалением выбрался из кресла. Помощники доктора выкатили на середину комнаты столик на колесиках и предлагали минералку или «Байкал» в пластиковых стаканчиках и батончики

с вафельной начинкой. Андрюха уже успел взять и батончик и стаканчик и, пристроившись у окна, закрытого темно-синими жалюзи, жадно срывал обертку. Когда они с Сергеем подошли, он, подмигивая и ухмыляясь, спросил: - Ну, как вам? Классно нас запрягли, да?!

- Да вроде нормально, - отозвался староста и, рассмотрев батончик со всех сторон, неторопливо развернул и откусил небольшой кусочек.

- Да я об этом тестировании, говорю! Они нас тут проверяют, а не мы их систему...

- Мне работать понравилось, - заметил Юрка и, вспомнив, что дружок его остался сегодня без обеда, протянул свой батончик. Андрюха благодарно кивнул, но не успокоился.

- Не-е, я вам точно говорю... Они на нас что-нибудь психотропное испытывают, а мы и рады услужить. Наверняка ведь в школе и не знают, чем тут на самом деле занимаются. А нам просто лапшу на уши вешают...

- Чепуха. Никто тебя не собирается зомбировать, меньше надо глупостей смотреть по ТВ. Тестирование мы и в школе проходим, тут то же самое. Чего так разволновался? - но Андрюха только отмахнулся, мол, ты не понимаешь.

- А ты, Серёга, как считаешь? Эксплуатируют нас как рабов на галерах, или тебе по фигу? Эх, знал бы, что над нами тут эксперименты ставить будут, так не согласился бы пойти. Вот ведь литераторша, как подставила нас... «Кто любит читать художественные произведения, поднимите руки...». Ух, доберусь я до неё...

- Да ладно тебе, не суетись. Может, поумнеешь маленько, если ещё пару часов посидишь, - неожиданно хлопнул его своей лапищей по плечу староста, усмехнулся и пошел к двери, выбрасывать опустевший стаканчик и обертку. Андрюха потер ушибленное плечо и возмутился вслед: - Во медведь, а! Распустил грабли, штангист чёртов...

Доктор Давыдов снова похлопал в ладоши, привлекая внимание школьников, многие из которых уже нетерпеливо поглядывали на свои кресла.

- Так, все отдохнули и теперь готовы продолжить? Тогда прошу занять места, продолжим нашу работу. Начнем третий этап, а через час сделаем ещё перерыв...

Задача, которую теперь поставил перед ними доктор технических наук, оказалась ещё интереснее, чем предыдущие задания. На экране, но уже не монитора, а шлема показывали небольшие сюжеты, в основном с видами природы. Изображение было объемным, краски были яркими сочными, через минуту уже невозможно было поверить, что это просто картинка на внутренней стороне забрала шлема. Доктор говорил что-то о

трехмерной графике, которая рассчитывалась мощным процессором, о высокой скорости построения изображения и о богатом выборе готовых изображений в институтской базе данных и скоростном канале спутниковой связи, который позволяет использовать все ресурсы Сети...

Юрка парил над горами и лесами; срывался в пике и пролетал над верхушками деревьев; гонялся за птицами, которые не обращали на него внимания и нырял в глубину горного озера, где вода была прозрачна и холодна даже на вид. Ощущение реальности окружающего было настолько сильным, что дух захватывало. Поначалу было трудно поверить, что сам он бестелесен, всё казалось, что вот сейчас ноги коснутся веток или ледяная вода сожмет его в холодных объятиях...

Жаль только, что после нескольких блаженных минут все вокруг замирало и приходилось возвращаться в лабораторию, сверять текстовое описание на экране монитора с тем, что представлялось на экране шлема. Это отнимало драгоценное время, которое хотелось потратить с большей пользой, но доктор просил быть внимательными и Юрка тщательно вчитывался в текст, который был весьма бледным отражением того, что он ощущал и видел. Интересно, подумал он, а другие смотрят те же самые фрагменты? Надо будет спросить у Андрюхи на следующем перерыве.

- ...А вот теперь и начнется основная ваша работа, ради которой вас и пригласили. Проверка работоспособности нашей системы, то есть чтение художественных произведений. Надеюсь, что последний этап вам понравится, - объявил жизнерадостно доктор, когда все напились сока и съели по пирожку с повидлом.

- Так что, опять будем текст на мониторе читать, а потом картинки смотреть? - разочарованно протянул Андрюха.

- М-да, значит, я плохо объяснил, - задумчиво свел ладони перед собой доктор Давыдов, но тут же улыбнулся и, обернувшись к остальным, похлопал в ладоши.

- Дорогие гости, девочки и мальчики! Прошу внимания... Надеюсь, что вы ещё не устали и сможете продолжить ту важную работу, для которой вас пригласили. Мы благодарны вам, за то, что вы откликнулись на наше предложение. И меня радует, что вы проявили интерес к нашей работе. Постараюсь еще раз, вкратце, рассказать о том, что представляет собой наша разработка.

Вы знаете, что художник рисует картины с помощью кистей и красок, скульптор создает свои творения из различных материалов, таких как камень или металл. Но есть художники, которые работают с таким интересным и емким материалом, как слово. Писатели с помощью слов описывают окружающий мир; показывают мысли и чувства; с помощью слов они способны возродить далекое прошлое и заглянуть в будущее. Словами

они описывают то, что видят наяву или в своем воображении, каждый из них делает это по-своему, в меру своего таланта...

Конечно, сейчас наша система не способна охватить все чувства, которые описываются словами. Вы не сможете почувствовать запах цветов, не сможете ощутить шероховатость коры дерева или теплоту солнечных лучей... Это работа, которой нам предстоит заниматься. Но зрительные образы и звуки вы сможете воспринимать уже сейчас. Надеюсь, что это будет для вас интересно. Для нас же будут важны ваши отзывы о том, что вы увидите и услышите. Без вашей помощи мы не узнаем, хорошо ли мы поработали, и стоит ли продолжать наш труд. Надеюсь, что предстоящий просмотр некоторых классических произведений русской литературы доставит вам удовольствие, даже если вы раньше это читали.

...Как чудесно скользить над спокойно текущей рекой, будто слегка играющей мышцами на середине и размеренно плещущей волнами у берега. Красиво отражаются в воде берега и совсем не темно при свете месяца... Но когда на близком берегу зашатался первый крест, из-под земли полез иссохший бородастый мертвец и задрал к небу свои когтистые руки, Юрка от страха шарахнулся в сторону от берега и влетел в воду. Жутко было слышать хрип мертвеца: «Душно мне...Душно» над речной гладью и он поразился, как быстро отошли от испуга пассажиры лодки, только упавшие в воду шапки тихо понесла дальше река.

Странно было наблюдать за поединком старого и молодого козачков, разругавшихся из-за пустяка. Слюнки потекли у Юрки, когда он смотрел, как они, помирившись, обедают. Поспешил подняться над соломенной крышей, чтобы осмотреть окрестности и заметил вдалеке большой город.

Замок он успел рассмотреть снаружи, пока козаки шли через лес, но, заглянув в осветившееся окошко, вернулся. Как-то не по себе стало при виде здоровенных летучих мышей, метавшихся в комнате. А когда старый козак превратился в отвратительного колдуна с висячим носом и свет в комнатке стал меняться с голубого на розовый, то приближаться к оконцу и вовсе расхотелось. Так и смотрел дальше на колдовство держась поближе к пану Данило.

...И как же хотел он остановить красавицу Катерину, когда она выпускала из темницы отца своего, колдуна... Но ничего, ничего не получилось! А когда начался неравный бой с налетевшими ляхами и колдун прицелился в Данило, тут уж он совсем забылся и бросился сверху к колдуну, рассчитывая сбить его с ног или хотя бы по ружью ударить... Только ничего не смог, и погиб смелый козак...

И уже не пытался он противодействовать колдуну, когда убил он своего внука, а затем и дочь свою. Только губы кусал от своей беспомощности и сдерживал подступившие слезы.

Когда же расплата настигла колдуна, и рыцарь, восседающий на своем черном коне на вершине горы с маленьким сыном за спиной, исполнил приговор, сбросив колдуна в пропасть, Юрка вздохнул облегченно. Уже без страха смотрел, как накиннулись на труп поднявшиеся из земли мертвецы и затряслись горы...

Снимая шлем Юрка удивленно заметил, что щеки у него влажные и торопливо утерся ладонью, покосившись по сторонам, не заметил ли кто. Но взрослые были заняты у пульта, а соседи ещё сидели в шлемах. Он мучительно пытался вспомнить, кто же мог написать такую книгу, но ничего не приходило в голову. Интересно, а другие смотрели то же самое или нет?

Хорошо, что доктор просил написать отчет к завтрашнему дню, а то стыдно было бы признаться, что он не читал этого произведения. А ведь доктор, будто специально упомянул, что все произведения входят в школьную программу. Юрка многое из программы не читал, понадеявшись на диск со шпаргалками и готовыми сочинениями...

- Ладно, - говорил по дороге домой Андрюха, - больше я туда не пойду. Тебе отдам отчет, передашь этому прох-фессору.

- Чего это? - удивился Юрка. - Классный дядька, и оборудование у них - высший класс. Такого в городе больше не найдешь, точно говорю. Не-ет, я пойду обязательно. Может, можно будет ещё поработать... Я сегодня такую страшилку видел, что Стивен Кинг со своими фотоаппаратами или лангольерами просто пшик, котенок рядом с овчаркой. Только вот вспомнить не могу, кто же автор...

Юрка начал было пересказывать содержание, и Андрюха вдруг захихикал, даже остановился, всплеснув руками.

- Ты чего, совсем забыл?... Ну ты даешь, наизусть ведь учили: «Чуден Днепр при тихой погоде»....

- Вот чёрт, точно! Совсем из головы вылетело, - смущенно и радостно согласился Юрка. - А ведь действительно, он самый, Николай Васильевич... Надо будет посмотреть дома...

- Ну ладно, - уже во дворе дома хлопнул Андрюха ладонью по его ладони, - побегу я домой, а то что-то замерз. Книжки так, как у них в лаборатории читать, конечно, интересно, но... Лучше я пока с девчонками в кино буду ходить, там ведь шлемов нет, а стерео-очки мне не мешают с ними общаться. А ты завтра не забудь у меня отчет с утра

спросить... - Давай, пока! - откликнулся вслед Юрка и тоже почувствовал, что морозец в сгустившихся сумерках пощипывает щеки. Жаль, что придется завтра одному идти...

День Мечты

Дорога была старой и заброшенной уже несколько лет. Осталось только две глубоких колеи, выбитых лесовозами, да изредка встречались на обочинах разодранные покрышки или следы кострищ из тех же покрышек. Старенькая "Нива" подпрыгивала и скрипела, следом клубилась пыль, незаметно пробиравшаяся внутрь и покрывая все ровным слоем серой пудры. Игорь чихнул раз-другой и утерся тыльной стороной ладони, придерживая руль левой рукой. Машина сползла в колею, начала подпрыгивать на ямах все сильнее и чаще, сзади дружно заорали, и пришлось тормозить, чтобы снова выбраться левым колесом на бровку.

- Ты лучше останавливайся, когда снова чихать надумаешь, - заявил Сергей и сморщился: в открытое окно вползло догнавшее машину облако пыли. - Будем теперь пыль глотать, романтики...

- Ладно, - согласился Игорь, переключив скорость, выбрался из колеи и начал разгоняться. - Ты давай, кассету смени, а то у меня руки заняты.

- Да ну, может, лучше радио послушаем? А то эти древние кассеты уже надоели. - Сергей обернулся назад и поинтересовался: - Так что выбираем?

- А давай еще послушаем кассеты, очень даже неплохо звучит. Этот, как его... Фредди, да Димка? - высказался Сашка, упиравшийся коленками в спинку водительского сидения. Димка был ростом поменьше и сидел, закинув ногу на ногу. Он только кивнул, он всегда с ним соглашался, с детства.

- Ну и ладно, - обиженно буркнул Сергей и сменил кассету в магнитоле. - Жалко, что ничего посвежее нет, придется слушать старье. Тогда уж лучше без музыки, можно просто поговорить...

- Да ладно тебе, Серега, пусть играет, - усмехнулся Игорь. - Это ведь рок. Батя мой по этим группам знаток, вот и собрал столько записей. А музыка ничего, слушать можно. Вот сейчас "Пинки" будут классно играть...

- Да ну, слабенько у них тогда с эффектами было, - отозвался с презрительной усмешкой Сергей, послушав немного. - Теперь вон у "Скифов", как врубят на полную звучок маршевого двигателя, так сразу понимаешь - это вот класс! Аж к земле прижимает. А тут вроде как вертолет идет, да только разве это звук? Так себе, по низам не пробивает вообще...

- Тогда и аппаратуры хорошей не было, да и здесь динамики старые, слабые, - начал оправдываться Игорь, но Сергей только рукой махнул и высунулся в окно. Встречный поток растрепал его длинные светлые волосы и обдал теплом от капота. Он

смотрел на лес по сторонам и вдыхал запахи сухой придорожной травы, потом посмотрел назад, на клубящуюся пыль и вернулся на сиденье, когда машина снова запрыгала на кочках.

- ... Вернулся на базу, теперь главным механиком будет работать, - рассказывал Сашка и похлопывал правой рукой по коленке, левой он держался за пластиковый поручень. - Только Потапыч его сначала отправил на дальний участок, чтобы он с комбайнами разобрался, а то часто останавливаются, а работа стоит. Но Семен молодец, технику знает, быстро нашел причину остановок. Теперь все работают как часы.

- А чего он в институте не остался? Там ведь он в КБ классно работал, даже какие-то устройства придумал, на конкурсе премию получил. - Игорь хотел обернуться, чтобы на умолкшего Сашку посмотреть, но передумал. Тут только отведи взгляд, как снова в колею съедешь.

- Это вы про Силкина, что ли? - поинтересовался небрежно Сергей и обернулся. Сашка только кивнул, а Димка нахмурился, не нравилось ему, когда пренебрежительно отзывались о хороших людях.

- Ну да, Силкин для тебя не пример. А он уже три изобретения сделал. Ты только не говори, что мир содрогнется, когда твои биомеханизмы выползут из лаборатории. Сам-то еще и учиться не начал, а уже губу оттопыривает.

Сашка усмехнулся, глядя на смутившегося Сергея, но тот сразу оправился и перешел в наступление.

- Ну да, конечно, скромный труженик Димка выезжает из леса, чтобы поразить мир своим сокровенным желанием: накормить весь мир кедровыми орешками! А что до биомеханизмов, то об этом не надо... Рано еще.

Димка ответил на полном серьезе: - Почему бы и нет? Скоро можно будет весь мир обеспечить питанием. Орешки-то классные, все что нужно содержат.

Тут уже все захохотали так, что не слышно стало музыки. Димка всегда воспринимал все всерьез, шутки до него доходили через раз.

- А все-таки здорово, что мы поехали, - отсмеявшись, сказал Сашка и, сунувшись между спинками сидений, ткнул насупившегося Димку в бок. Тот сразу усмехнулся: - Точно. И Никиту Андреича повидаем. Как там он с новыми ребятами возится, узнаем.

-Надо было на служебном глайдере лететь, - снова завел нытье Сергей, проведя рукой по волосам. - Вот приедем мы пыльные, грязные... Как чучела какие-то, девчонкам стыдно показаться будет.

- А, так вон, о чем ты беспокоишься, - усмехнулся Игорь, притормаживая перед широко промытой ручьем канавой и с усилием выкручивая руль, чтобы зигзагом

перебраться через нее. Все ухватились за поручни, машина кренилась, качалась и хрустела галька под колесами. Мотор взревел, машина выбралась на другую сторону и снова начала набирать скорость.

- Надо было тебе остаться, - продолжил с раздражением Игорь. - А то будешь теперь всю дорогу ныть. Я-то думал, что ты едешь учителя повидать, да мечту новую отправить... А ты оказывается перед девчонками хвост свой павлиний распустить захотел, выпендрялло.

- Это точно, - поддакнул Димка и Сашка снова хихикнул, глядя на покрасневший профиль Сергея, отвернувшегося к окну.

- Да ладно вам, мужики! Одно другому не мешает... Как будто вы с девчонками о встрече не договаривались, я же слышал...

- Так мы ведь на служебный транспорт не заримся, да и с девчонками встретимся у школы, - Игорь подмигнул в зеркало заднего вида, встретившись со взглядом Сашки, следившего за разговором с интересом и подавшегося вперед, между сиденьями. - И если наш вид вызовет у них отвращение, то... грош цена тогда нашим девчонкам, да Саня?

- Точно, зачем нам тогда такие? Если для них наши суровые, опаленные трудовыми буднями, пыльные лица будут неприятны... Тогда мы пойдем, как сильно в них ошибались. - Игорь ткнул локтем в коленку Димку. Тот нахмурился, стараясь сказать что-нибудь в поддержку, но сказал другое, снова вызвав дружный смех остальных.

- Конечно, чего зря служебку гонять, итак не успевает между участками мотаться. В день по пятьсот километров налет...

- Эх, Димка, простая душа, - простонал согнувшийся пополам от смеха и тут же стукнувшийся лбом о панель Сергей. Растирая лоб, поинтересовался:

- А вот ты, Саня, как с мечтой, уже определился?

- Конечно, - усмехнулся Сашка, но Сергей такого ответа не принял.

- Нет, я серьезно. Все-таки год прошел, мы вот школу закончили, новую жизнь начали. Значит и мечты у нас теперь изменились, все-таки четыре месяца проработали, на равных со взрослыми... Не может это не изменить наши надежды и мечты.

- Ух ты, как заговорил, - повернулся к Сергею Игорь и тот сразу же вскрикнул: - Эй, ты давай, не отвлекайся! А то точно сегодня не доедем.

- Ладно, не бойсь, - отвернулся неторопливо Игорь, потом покачал головой. - Прям, поэт у нас вырос...

- И что в этом плохого? - сразу вспыхнул Сергей.

- Да ничего, - ответил за Игоря Сашка и задумчиво почесал в затылке. - Мечты, конечно, у всех свои... Но мы ведь никогда их друг от друга не скрывали. А ты, Серега,

мог бы остаться и на базе, если тебе не нравится с нами ехать. Там и связь есть, и вечером мог бы на рейсовый глайдер сесть, раз уж тебе неохота с нами пылиться.

- Ну все, все, - взмолился покрасневший Сергей. - Больше не буду, успокойтесь. Я же просто так сказал, шутя... И ты, Саня, от ответа не увиливай!

- Кто как, - вдруг сказал молчун Димка, и все насторожились, Игорь даже убавил звук магнитолы, чтобы шум мотора не заглушал слова. - А моя мечта не изменилась. Хотя вы и смеетесь, но я действительно хочу, чтобы все были сыты и одеты. И пока этого не будет, мне о другом и думать не хочется.

- М-м-м, - промычал после длительной паузы Сашка, потом с уважением глянул на сидевшего рядом серьезного Димку и понял, что шутить сейчас нельзя.

- Да, Димка, я тебе завидую, - сказал Игорь и, не оборачиваясь, вывернул назад правую руку, ладонью вверх. Димка неуверенно улыбнулся и, после секундного раздумья, шлепнул по ней своей ладонью.

- Действительно, мужики, это ведь классная мечта! - Игорь похлопал ладонью по набалдашнику рычага скорости и убежденно добавил: - Вот мы сейчас гибридные кедры сажаем, через пять лет они урожаем начнут давать такой, что можно будет многих прокормить, да и лекарств сколько получится. А таких, как наша база, по Сибири сколько разбросано? А сколько подобных баз-биостанций работает в пустынях, на мерзлоте? Если верить прогнозам, то лет через десять на всех будет хватать. И еды, и одежды, и лекарств. Так что цель у Димки прекрасная и конкретная, стоящая цель.

Сергей тут же поспешил добавить: - Только ведь через десяток лет придется новую искать, а? Всех накормим, оденем, вылечим... А потом что?

Игорь недовольно посмотрел на него: - Потом новое дело будет. Мало что ли еще проблем? Да и через десять лет всего, что сейчас начато, не переделаешь. Поэтому Димка без работы и мечты не останется, верно?

Сергей усмехнулся и пожал плечами, выражая сомнение.

- Вот доживем, тогда и подумаем, - флегматично отозвался Димка, которому показалось, что над ним опять начинают подшучивать.

- Да ты, чудак, не дуйся. Я ведь серьезно говорю, что мне завидно. Я вот пока цели перед собой не вижу, потому и пошел работать сюда, - Игорь махнул рукой в сторону леса.

- А как же с универом? - подозрительно спросил Димка, поглядев на примолкшего Сашку, который откинулся на спинку сидения и сосредоточенно смотрел прямо перед собой.

- А что - универ? На следующий год поеду поступать, на заочное. Я о том говорю, что мне техникой заниматься хочется, проектировать что-нибудь... Но вот для чего, в какой области пока непонятно. Может воздушными аппаратами займусь, или космическими... Но вот такой цели как у тебя, четкой и конкретной, на всю жизнь - такого пока нет. Может, когда учиться начну, определюсь. А пока с техникой поработаю, с дядькой твоим, Семеном, надо будет пообщаться... - Игорь замолчал, взялся покрепче за баранку и прибавил газу. Все молчали, поглядывая по сторонам. Потом Сергей, выстукивавший пальцами по двери в такт мелодии, обернулся.

- А ты, Саш, чего молчишь? Может, у тебя что-то новое появилось, или ты как Димка, за компанию поехал?

- Да как сказать... Сколько проблем еще есть, выбрать трудно. Тем более, что по прошлой моей заявке пока результатов нет.

- Так ты что, старое повторишь? Снова напишешь, что пора человечеству к звездам отправляться?- Сергей смотрел с хитрой усмешкой, поэтому Сашка фыркнул и ответил уверенно: - Я и старое повторю и новое напишу. Сам-то ты как, что нового придумал? Или только хихикать будешь, как раньше?

- Слушайте, - перебил их Игорь и ткнул левой рукой за окно. - Смотри, какая железяка торчит!

Слева из подсохшего болота, метрах в десяти от дороги торчали какие-то коричнево-серые металлические балки, солевая короста, в нескольких местах отвалилась и обнажила красные пятна ржи. Машина встала, все вылезли и принялись было гадать, что же здесь утопили лет двадцать назад. Но Игорь деловито залез в машину, вытащил из бардачка свой "Спутник" и, раскрыв на капоте, вывел карту района и затребовал координаты. Димка спустился с невысокой насыпи дороги к краю болота, покрытому засохшей коркой и принялся озираться вокруг, пригнувшись. Спустившийся следом Сашка поинтересовался: - Ты чего, хочешь туда пройти, что ли?

- Вот еще, - отозвался Димка, не отвлекаясь от поисков. Подобрал камень размером с кулак, он удовлетворенно повернулся к Сашке.

- Вот и посмотрим, что тут у нас, - с этими словами Димка подбросил камень над болотом и он упал метрах в пяти от берега, взломав корку и фонтанчик бурой густой жидкости выплеснулся над пробоиной. - Видишь, корка тонкая. Не пройдешь.

Димка удовлетворенно кивнул и пошел к машине, где Игорь уже сложил комп и вместе с Сергеем, смотрел на то место, где упал камень. Задержавшийся было Сашка вдруг зажал нос пальцами и заспешил к машине.

- Слушайте, - он помахал рукой перед собой, - давайте, поехали. А то такая вонь прет!...

Игорь понимающе кивнул и первым сел в машину, остальные торопливо заняли места и, едва Сергей захлопнул дверцу, как машина уже тронулась.

- Действительно, запах убойный, - проворчал Игорь. - Ветерок-то на нас...

- Надо было останавливаться? - спросил Сашка, все еще чувствующий во рту отвратительный запах болота. - Могли бы и на ходу координаты взять. Это ведь что-то от лесовозов осталось, да?

- Возможно, - задумчиво сказал Игорь, но Сергей глянул на него с сомнением.

- Да это скорее всего геологи бросили. Когда трассы еще не было.

- Почему это? - усомнился в свою очередь Игорь.

- А потому, что от дороги метров десять, не меньше. Какого черта лесовозы стали бы туда переться, явно ведь болото видно. А геологи, когда еще разведку вели, вполне могли здесь застрять, - уверенно похлопывал ладонью по панели двери Сергей.

- А могли и лесовозы, особенно зимой, - Димка покивал головой и добавил, когда Сергей обернулся к нему: - Тогда ведь всякие работали, дед говорил, что по-пьяни, или после наркотиков могли и вездеход утопить, не то, что прицеп. Гонки устраивали, машины били...

- Так это когда было...Лет пятьдесят назад. Потом здесь капитализм начался, так за такое могли и в тюрьму посадить, - Сергею не хотелось соглашаться, но Игорь остановил нарождавшийся спор.

- Ладно, чего гадать, сообщим транспортникам, они вытащат. Дирижабль-транспортер тросами зацепит и вытянет, тогда и будет все ясно. А даже если там просто прицеп, все равно тонн пять железа. Скорее бы эту дорогу закрыли, все равно уже сколько лет никому не нужна. Одного комбайна хватит, чтобы засадить...

Димка сегодня оказался на редкость разговорчивым и принялся рассказывать, как в восемьдесят пятом его дед, работник лесоохраны, пытался две недели вытянуть вездеход с американским оборудованием, утопленный геологами. Рассказывал он долго и, когда оказалось, что вытащить вездеход так и не смогли, Сашка только рассмеялся, а Игорь с горечью заметил: - Да, весело жили, сколько добра испортили... Ладно, нам еще час до трассы, а там по асфальту быстро доедем.

Дорога пошла на подъем, лес, отступавший на десятки метров, вдруг придвинулся, а когда начались сопки, и вовсе подступил вплотную. Дорога запетляла между сопками, совсем рядом с дорогой из земли выступали валуны и скальные обломки. Несколько раз машина перебиралась через размытые ручьями участки, ветки

разросшегося кустарника царапали машину, появились комары, и пришлось поднять стекла, оставив лишь небольшой зазор, чтобы можно было дышать свежим запахом сосны.

- Да, неплохо было бы узнать, кто же все-таки этот праздник придумал, - после того, как машина выбралась на сравнительно ровный участок дороги, и можно было говорить, не опасаясь прикусить язык, заявил Сергей.

- Опять тебя завидки щекочут, - усмехнулся Сашка. - Снова решил миллиардером стать?

- А почему бы и нет? Пусть и не миллиардером... Не я ведь придумал эту программу. Мне бы и миллиончика хватило, ведь до сих пор вознаграждение не отменили. Все-таки, можно ведь как-нибудь узнать, кто же запустил этих вирусов в Сеть и весь мир перевернул. Не может быть, чтобы никаких следов не осталось...

- Если за столько лет не нашли, то теперь и подавно не найдут, - уверенно сказал Игорь и, шлепнув по лбу, посмотрел на ладонь и вытер размазанного комара о штанину комбинезона.

- Учитель же говорил, что вероятность маленькая. Легче найти иголку в стоге сена. Людей-то тогда было почти десять миллиардов, это какой же стог можно сложить... - Сашка протянул руку и щелкнул пальцами перед носом у Димки, привалившегося к борту плечом и прикрывшего глаза. - Ты спишь, что ли?

- Да нет, тебя вот слушаю. Учитель об этом тоже информацию собирает.

- И что? - резко обернулся Сергей.

- Я думаю, - Димка открыл глаза и посмотрел почему-то на Игоря, - что учитель тоже хочет найти.

- Ну и?... - поторопил замолчавшего Димку Сергей и в нетерпении стукнул по спинке своего сидения кулаком, выбив пыльное облачко.

- И, наверное, что-то уже нашел. - Димка перевел взгляд на недоумевающего Сергея и пояснил: - Ну, вид у него иногда такой, будто он что-то знает. Особенно, когда разговор на эту тему заходит. И кубик этот он не зря приносит именно в этот день.

- Тьфу на тебя, - Сергей, ожидавший другого, с досады сплюнул, но слюны в пересошем рту не было. Сашка хохотал как оглашенный, Димка довольно улыбался, а Игорь подпрыгивал и вскрикивал: "Хо-хо-хо", не отрывая рук от баранки. Сергей буркнул сердито: "Дураки" и полез в бардачок. Вытащив литровую пластиковую бутылку с минералкой, он открыл ее и протянул Игорю, уже переставшему прыгать и орать. Тот отказался, покрутив головой, тогда Сергей не глядя, сунул бутылку назад, между

сиденьями. Сашка хмыкнул, сделал пару глотков, передал бутылку Димке, тот отпил побольше и вернул бутылку Сергею, постучав бутылкой по его плечу.

- Да ладно тебе, Серега, - пробурчал Димка. - Не злись, я ведь правду сказал. Только учителю миллион не нужен. Он просто хочет узнать. И рассказать. Нам или тем, кто еще будет учиться в школе.

- А, ну тебя, - разочарованно отозвался Сергей и приложился к бутылке.

- Так ты все-таки скажи, что сам-то напишешь? - поинтересовался Сашка, когда Сергей напился. - Снова общими фразами отделаешься или как?

- Надо границы все отменить, вот! - не оборачиваясь, сказал Сергей и поднял вверх указательный палец. - Чтобы можно было без всяких виз куда хочешь поехать. Как тебе это?

- Да об этом уж сколько говорено, - усмехнулся Сашка. - Только пока рановато, если помнишь занятия по экономике. Вот когда в каждой стране будет чем каждому заняться, тогда и границы станут не нужны. А ты опять о себе думаешь, небось, хочется по курортам проехаться, впечатлений набраться?

- Почему бы и нет? - буркнул Сергей и опустил стекло. - Что в этом плохого? Будто вам самим не хочется...

Учитель стоял у окна, смотрел на детей собирающихся во дворе школы и волновался. Сегодня он надеялся увидеть своих первых выпускников, с которыми провел вместе семь лет и расстался совсем недавно. Пятеро уехали учиться в другие города и вряд ли сегодня приедут домой. Остальные остались в городке, но четверка мальчишек-друзей работает за двести километров отсюда, и тоже вряд ли появится. Наверное, придут три неразлучные подружки, и Ваня Круглов, который в школу заходит через день, возвращаясь с дежурства из больницы. Будет очень приятно их увидеть. Они теперь становятся взрослыми, у каждого своя интересная жизнь.

Учитель улыбнулся и поставил стеклянный куб, который принес с собой, на стол. Солнечный свет попал на него и рассыпался разноцветными зайчиками по стене и потолку.

Сегодня он впервые будет беседовать со своими новыми учениками о том, что за день сегодня. Почему этот день назвали Днем Мечты, они сами смогут рассказать, а вот ему надо придумать, что нового и интересного он сможет им сообщить.

Семь лет он смотрел на свою первую группу, рос с ними, учился с ними... Теперь ему предстояло начать все заново, но это не будет повторением пройденного. Это совсем

другие люди, у них другие интересы и желания, другие характеры и увлечения. Ему теперь надо будет понять их и постараться помочь им стать лучше, умнее и подготовиться к тому, что ждет их в будущем. Конечно, все это будет делать не он один, в школе тридцать педагогов, но ответственность за семерых мальчишек и семерых девочек теперь лежит на нем. С чего же сегодня начать?

Может быть, рассказать им немного о том, что произошло чуть больше пятнадцати лет назад? События тех дней сильно изменили мир, но сколько еще потрясений он испытал позднее, когда последствия вызывали дальнейшие перемены. Ему нравилось рассказывать об этом в виде детективной истории. В одиннадцать лет кто не любит послушать интригующую историю, которая, к тому же, происходила в действительности и до сих пор не закончилась.

Историю о том, как кто-то создал и запустил уникальную программу-вирус, за несколько часов проникшую во все компьютеры, независимо от того, были ли они подключены к Сети или нет. Как выяснилось впоследствии, программа использовала для распространения резонансные эффекты, ведь каждый компьютер представляет собой множество устройств, представляющих собой, если говорить упрощенно, колебательные контуры. И некоторые части компьютера могут принимать и передавать сигналы. И создатели программы использовали эти свойства для того, чтобы программа могла распространяться не только через Сеть, но и по проводам электросети, через устройства связи и даже спутники связи... Тут будет вполне уместным сказать, что об этом они будут говорить подробнее, когда начнут изучать физику и математику. А затем можно будет рассказать о том, что на большинство людей появление на экранах компьютеров предложения этой программы особого впечатления не произвело. Но когда в назначенный день некоторые решили ответить на предложение программы, оказалось, что все это не было шуткой. Стоит рассказать им и о том, как все попытки уничтожить обосновавшийся в Сети первый искусственный интеллект, оказались тщетными, ведь программа стала частью Сети, образовав из миллионов частичек, разбросанных по отдельным компьютерам, единый организм. Как такое могло произойти, дети поймут, когда начнут изучать методы и средства коммуникаций. И обязательно надо будет рассказать о том, как реагировало на это человечество, состоящее из отдельных людей, изучение которых возложено на множество интересных наук, с которыми детям тоже предстоит познакомиться. Какие финансовые потрясения и политические катаклизмы потрясли планету, как военные оказались беспомощны перед совместными действиями объединившегося человечества, которому показали те цели, к которым оно должно стремиться. Создатели программы, так сильно изменившей мир, остались неизвестны,

хотя вознаграждения за сведения о них предлагались огромные. Может быть, это молчание объяснялось тем, что они не хотели давать какой-нибудь шанс уничтожить развивающийся в Сети разум, или не хотели терять свою свободу, а может быть и жизнь. Ведь поначалу их готовы были растерзать на клочки те, кто потерял власть, могущество и веру в свое превосходство. Это теперь стало историей, которую им будет интересно изучать. Как будет интересно исследовать те экономические и социальные проблемы, которые до сих пор стоят перед обществом и требуют решения...

И в ходе их непринужденной беседы кто-нибудь из них обязательно спросит о том стеклянном кубике, что стоит на столе. И он ответит правду: подарок его деда, который он получил после окончания школы. Загадочный подарок, ведь он так ничего и не успел выяснить у деда. Учеба и пять лет экспедиций не давали возможности встретиться и поговорить, а потом деда не стало. А сам он понял, что главные сокровища страны находятся не в ее недрах, а здесь, в школе...

Мальчишки будут вертеть этот кубик в руках, разглядывать лазерный диск и восхищаться игрой света на гранях. Удивляться тяжести небольшого по размерам кубика и гадать, как диск поместили в куб, и кто оставил пять автографов разноцветными фломастерами на белой поверхности диска. А кто-нибудь из девочек обязательно прижмет кубик к себе материнским движением, будто пытаюсь согреть его... Загадочный подарок, который был связан с этим днем очень крепкими узами, в этом он убедился, начав свое расследование. Но говорить об этом было еще рано. И может быть, они вместе найдут разгадку этого подарка. Эта идея показалась ему очень привлекательной, надо обязательно обсудить ее с ребяташками.

А потом дети раскроют свои "Спутники", на экранах которых после загрузки системы появятся две строчки, которые уже пятнадцать лет не дают покоя человечеству: "Если у тебя есть мечта, поделись ею со всеми. Адрес в Сети...". И пусть слова приглашения на английском, разве от этого они становились менее понятными? Ведь ответы свои они отправляли на родном языке, программа научилась собирать, переводить и обрабатывать информацию на любом языке и в полночь по Гринвичу все жители Земли могли ознакомиться со списком десяти самых важных дел на ближайшее время. Ведь список этот строился на пожеланиях всех, кто высказался в этот день. В прошлом году таких пожеланий было семь миллиардов.

И пока дети будут набирать свои послания, у него будет время, чтобы вспомнить своих выпускников, и снова он задаст себе вопрос: все ли он сделал, чтобы они научились думать и жить не только для себя. Чтобы мечты каждого были нужны и всем остальным.

За тридцать километров от города они остановились возле старого белого "Мерседеса" на обочине и два часа провозились с бензиновым двигателем, упорно не желавшим заводиться. Хорошо, что Игорь отцу помогал "Ниву" переводить на водород, изучил старый двигатель. Немолодая женщина в потертом джинсовом костюме едва не зарыдала, когда двигатель заурчал и она, после того, как в знак благодарности измазала всем щеки помадой, поехала впереди. Игорь решил не обгонять, на случай возможной поломки. А Сергей задумался: женщина показалась ему знакомой, но вспомнить, где он ее видел, так и сумел. Может быть, она приезжала в школу с какой-нибудь компанией ученых из Новограда, номера у нее тамошние.

Время подходило к трем часам, и есть хотелось так, что в животах у всех бурчало... До школы оставалось совсем немного.

Спутник

Малыш, затаив дыхание, осторожно провел пальцем по бежевой шероховатой поверхности, погладил эмблему с земным шаром, вокруг которого вращался шарик поменьше, и поднял сияющие глаза.

- Как тебе наш подарок, сынок? – лицо отца расплылось в улыбке, он подмигнул стоящей рядом матери и легонько притянул ее к себе. Мать облегченно вздохнула, отняв прижатую к губам ладонь – она боялась, что подарок может не понравиться.

- Это теперь твой Спутник, Мишаня.

- Классная штука! – заявил шестилетний малыш, обратив все внимание на подарок. Панель подчинилась его торопливому желанию и легко открылась. Экран осветился радугой, по нему весело запрыгали буквы, складываясь в приветствие. Родители умиленно смотрели, как ребенок очарованно шевелит губами и восторженно повторяет вслух: - Здравствуй, друг!

- Здравствуй, мой маленький друг! – отозвался компьютер веселым баском, и малыш залился радостным смехом, уже не обращая внимания на родителей. До прихода гостей он просидел в своей комнате на ковре рядом с новым другом, забыв про телевизор.

- Он мог бы и поблагодарить нас, - вздохнула жена, укладывая посуду на решетчатые полки посудомоечного автомата.

- Да ладно тебе, Маш. Парень настолько счастлив, что просто забыл обо всем. Не каждый день рождения дарят такое. Он еще скажет «спасибо», когда немного привыкнет к нему.

Муж вышел в коридор и прислушался к звукам, доносящимся из детской. Там негромко рассказывали сказку на ночь. Он многозначительно поднял вверх палец, усмехнулся и довольный, вернулся за стол, глотнул из бокала вина.

- Ты в этом уверен? – недоверчиво спросила жена, и устало улыбнулась. – Ладно, верю. Тем более что теперь у него есть помощник. У нас таких не было, а жаль. Он сможет научить его хорошим манерам и поможет с уроками, правда? Знаешь, я так рада, что сегодня было столько гостей, но устала страшно. Там еще не начали показывать «День за днем»?

- Еще пара минут, мамочка у тебя есть, - согласился муж, отрываясь от экрана телевизора, вмонтированного в холодильник, где беззвучно мелькали кадры спортивных новостей. - Мы и сами справились бы, но Спутник - хороший помощник, недаром государство берет на себя половину расходов и рекомендует для школьников. Спутник хорошо подготовит Мишку к школе, а манеры - ладно, пусть будут и манеры, если тебе

хочется. Я посмотрю и настрою комп, это должно быть просто. Они ведь рассчитаны на работу с детьми, как бы учителя скоро без работы не остались.

- Ладно, - вздохнула жена. - Так говорили и в наше время, только от компьютеров никто умнее не стал. Больше играли да картинки смотрели неприличные. Я пойду, посмотрю телик перед сном. А ты долго не засиживайся, болельщик.

Громкость плавно уменьшилась и люстра под потолком перестала подрагивать. Мишка недовольно приподнял голову с подушки: - Ну чего ты, Спут? Дай музон послушать.

- Через полчаса ты должен быть на тренировке, на сборы остается меньше шести минут, - голос не перекрывал ритмичную музыку, но был хорошо слышен. – График нельзя нарушать, Михаил. А прослушивать одну и ту же композицию по три раза на день – не очень умно. Можно для разнообразия послушать и классику, например, Битлз или Бетховена.

- Вот зануда, - Мишка покорно встал с дивана и принялся запихивать в сумку приготовленные матерью вещи. – Классику ты сам слушай. Надо Димке позвонить, он тоже собирался пойти.

- Пора выходить, - напомнил Спут и Мишка, раздосадованный тем, что на тренировку пойдет один, ведь Спутник Димки настаивал на том, чтобы тот занялся математикой, по которой у него плохие отметки, прикинул с усмешкой: а не оставить ли своего ворчуна дома. Но тренер обязательно поинтересуется, почему он без своего неизменного спутника, старательно записывающего ход тренировок, чтобы дома проводить «разбор полетов» и с тяжким вздохом сунул его в сумку.

- Когда-нибудь мне надоест тебя таскать с собой, выслушивать твои советы и напоминания. Будешь пылиться под кроватью, Спут, я тебя только по праздникам буду доставать, чтобы послушать классику. Вот Серега своего Спутника только в школу берет, и ничего, живет себе преспокойненько, без советчика. А у Витьки и вообще Спутника нет, так он и без него отличник!

Сунув в каждое ухо по звуковой горошине, Мишка спросил: - Понял?

- Вопрос риторический, - сухо ответил Спут. – Каждый сам решает, как использовать своего Спутника. Давай по дороге разберемся с последним заданием по литературе.

- А ты можешь сократить текст? Ну, чтобы без описаний там всякой природы и ненужных подробностей, типа того, как выглядела повозка или комната.

- Могу, но ведь у Пушкина описание окружающей обстановки или природы органично вписывается в ткань повествования, играет важную роль в эмоциональном настрое читателя...

- Ну, ладно, ладно, давай покороче. А то не успеем, и не забудь, напомни мне после тренировки, что нам еще надо сделать вечером по домашкам.

- Хорошо. И давай я переключу на себя твой сотовый, чтобы не отвлекаться.

Первый удар пришелся чуть ниже солнечного сплетения, но тренировки не прошли даром и Мишка смог сразу же ответить крюком справа. Ухо у Сашки сразу покраснело, он скривился от боли и азартно бросился вперед, стараясь сбить Мишку с ног, чтобы затем отхлестать по лицу, что было его коронным приемом – драка тогда сразу заканчивалась, ведь кровь из носа вызвать можно одним легким ударом. Мишка, знал об этом и легко увернулся. Сашка запнулся о его ногу, ладонями и коленями проехался по асфальту. Тут уж драке сразу пришел конец. Димка с Толиком кинулись поднимать забияку, но тот, шипя от боли и отталкивая их локтями, поднялся сам. Принялся стирать кровь с ладоней, но, заметив разорванные на коленях штаны, подозрительно захлюпал носом, опустив лицо.

- Сам виноват, - бурчал Мишка, стянув рюкзачок и проверяя, цел ли корпус Спута. – Я ведь не просил тебя приемы показывать на мне, чуть Спута не угробил.

- Да пошел ты со своим ящиком, - закричал Сашка и дернулся вперед, сжимая кулаки, но его ухватили за руки одноклассники. – Из-за железки какой-то переживает, а за штаны кто ответит?

В седьмом классе родители поддались на уговоры и вместо подарка дали деньги. Мишка поменял корпус Спутника на мимикридный, так было модно, и купил новый «глаз», который закрепил на шейной цепочке. Теперь старина Спут, мог видеть все, что видел Мишка, даже если панель со встроенной камерой была закрыта. Рюкзачок со Спутом давно стал привычной ношей. Без него возникало ощущение, что не хватает чего-то важного.

- Спут, ну-ка оцени вон ту девчонку. Да, что справа от рыженькой, у окна. Как тебе?

На большой перемене Мишка стоял с пирожком в одной руке и стаканчиком горячего чая в другой под стендом с фотографиями лучших учителей школы и поглядывал на девчонок из параллельного класса. Строгой химичке кто-то опять подрисовал усики фломастером. Рядом Димка застыл, позабыв о стаканчике с недопитой колой. Глаза его были прикрыты очками-экранами, видно дома не успел повторить, теперь

наверстывает перед контрольной по физике. Ему бы тоже не мешало кое-что повторить, да только Спут считал, что питаться надо правильно и вовремя.

- Согласно общепринятым канонам, на 84 балла. Телосложение и пропорции лица очень гармоничны. Волосы выкрашены, но это достаточно хорошо сочетается с одеждой...

- Ну, понесло тебя, старик. Как ты любишь все сочетать. А мне кажется, что вон та, черненькая, что подходит к двери учительской гораздо лучше.

- Ты же сам просил оценить. Кстати, на истории ты можешь столкнуться с проблемой.

- Какой?

- Ты слабо подготовлен, а вероятность того, что тебя вызовут – семьдесят процентов.

- Ну, обрадовал, - дожевав пирожок, Мишка допил чай. – Лучше бы ты, старикашка, подбодрил меня перед контрольной.

- А что, дрожь в коленках и учащенный пульс? Разве ты сегодня не смотрелся в зеркало? Мужественный подбородок, прямой взгляд мушкетера в лицо опасности... Давно знакомый алгоритм решения задач тебя не подведет, моральная поддержка старины Спута и непоколебимая вера родителей в твои способности смогут сотворить очередное чудо.

- Лучше бы ты, старикашка, мне втихаря подсказывал. Говорят, что у некоторых Спутники помогают даже на экзаменах.

- Это не факт, скорее всего, используются другие модели, лишь внешне похожие. Но такие быстро обнаруживаются сканерами, в школе они тоже есть. Спутник не может нарушать правила.

- Вот так всегда, - уныло буркнул Мишка. – Никакой от тебя помощи, только о себе и беспокоись.

- Держи флаг высоко, смотри далеко, не такие бастионы брали мы в штыки, - запел негромко Спут совместно сочиненную песенку и Мишка усмехнулся, направляясь в класс.

Школу Мишка закончил шестым из класса. Могло быть и лучше, заметил Спут, но Мишка отмахнулся, ему и так было хорошо. Счастливые родители предлагали устроить домашнюю вечеринку, но Мишка отправился в гости к однокласснику, которому родители подарили навороченную модель Студента. Очень хотелось посмотреть объемное кино в сочетании с объемным звуком. Там полкласса собирается, а дома будет скучно.

- Ты куда дальше собираешься, Миха? – потягивая коктейль, мерцающий разноцветными искрами, лениво поинтересовался хозяин вечеринки. Мишка неохотно

отвел глаза от почти осязаемых и потому еще более соблазнительных фигурок девушек, танцующих в полумраке комнаты.

- Да хочу на экономический, - Мишка пригубил свой стакан, не обращая внимания на причитания Спута. Сегодня он сам разберется, что можно пить, а что нельзя.

- А я вот отцу помогать буду. Учиться буду заочно, надо дело раскручивать.

- Да, это хорошо, - Мишка мельком подумал, что его отец вряд ли когда-нибудь сможет так сказать о своей работе бухгалтера. Правильно Спут советует на банкира учиться, там можно быстро подняться, зарабатывают они прилично. К тому же, способности у него есть, Спут это просчитал, полгода донимал тестами и проверками.

- У нас в городе поступать будешь?

- Да. Здесь шансы есть, а уезжать не хочется. – Мишка не хотел признавать, что родители просто не потянут его учебу в другом городе.

- А я в Москву съезжу, или в Питер, там есть знакомые отца, помогут устроиться.

- О, братва, а давайте девчонок позовем, а? – влез в разговор захмелевший Димка и плюхнулся на диван рядом. Из его бокала плеснуло, и на ковре расплылось светящееся пятно.

- А чего тебе, этих не хватает? – недовольно поморщился Толик, потом пожал плечами и разрешил. – Если хочешь, зови. Выпивки хватит на всех, а дальше как получится.

- С-слушай, Мишаня, ты что, с собой притащил советчика? – кивнул Димка на рюкзачок Мишки, прислоненный к соседнему креслу. – К нам же девочки сейчас придут, а он будет зап-писывать?

Мишка порадовался, что никто в полумраке не заметит, как он покраснел. Действительно, зачем ему надо было тащить сюда Спута? По привычке, что ли... Он принялся торопливо стягивать с шеи цепочку с «глазом».

- Точно, - заметил Толик, ухмыляясь. - Я совсем забыл об этих шпионах. Надо их куда-нибудь подальше засунуть, без них обойдемся.

Первый учебный год был успешно завершён, довольные родители собирались на отдых в Турцию, а Мишка решил подзаработать на каникулах. Лето манило из пыльного города на природу, хотелось купаться в море или шагать под огромными елями по тайге, перебираться вброд через прозрачные горные реки или покорять незнакомые вершины. И такая возможность ему представилась: Спут нашел в Сети объявление, приглашающее молодых людей в экспедицию в качестве разнорабочих. Оплата невысокая, зато можно с геологами два месяца колесить по Алтаю. Это, по мнению Спута, было полезно во всех отношениях - и для здоровья, и для семейного бюджета.

Ливень шел второй день и потоки грязи со склона холма заливали лагерь так, что между палатками было по колено. Когда вода в речке поднялась и затопила кухню, начальник партии дал команду сниматься и переносить лагерь на вершину холма.

- Прогноз такой дают, что придется неделю сидеть на холме, как робинзонам.

- А пятницы у нас будут, начальник? – пошутил завхоз Игнатъич, выдирая из-под воды распорные кольца палатки, но Степанъич только кулак ему показал, сворачивая брезент палатки. Мишка таскал ящики на пару с бородатым Колянычем, сбросив с себя все, кроме футболки, шорт и резиновых сапог, из которых при каждом шаге выплескивалась вода. К вечеру все так измотались и замерзли, что даже перестали материться. Мишка даже не поверил, что все закончилось, когда Игнатъич позвал всех в большую палатку на чай.

Взяв в трясущиеся руки обжигающую кружку с травяным настоем, он сел на пол и привалился спиной к мокрым ящикам, закрыл глаза и начал вдыхать горячий душистый запах, стараясь унять бьющий изнутри озноб. На третьем глотке он вспомнил, чего ему весь день не хватало и, преодолев навалившуюся, словно на него высыпали самосвал мокрого песка усталость, принялся подниматься. С третьей попытки ему удалось, цепляясь за ящики, выпрямиться. Не обращая ни на кого внимания, Мишка, пошатываясь, добрал до выхода, едва не упав, стянул сухие кроссовки и носки, с отвращением воткнул сразу покрывшиеся мурашками ноги в мокрые сапоги и торопливо, чтобы не передумать, откинул полог и, съжившись, шагнул в темную стену воды за порогом.

Рюкзачок свой он так и не нашел. Обшарил все палатки, в каждый ящик заглянул и оползал канаву, по которой таскали барахло на холм от реки. Мокрые геологи, успевшие уже согреться и начавшие шутить, подивившись его настырности, с фонариками обошли старый лагерь, где воды уже было по пояс, прошлись вдоль разгулявшейся реки, осматривая берега. Только когда упавшего на скользких валунах Коляныча с трудом вытащили из речки, начальник решительно приказал вернуться в лагерь, и пригрозил Мишку связать, если тот не успокоится до утра.

Дождь лил еще сутки, а потом перестал. Мишка дважды прошел вниз-вверх по реке, но так ничего и не нашел. Пластиковый корпус Спуга был прочным, но не водонепроницаемым. Неделю после потери Спуга он плохо спал, снились кошмары, в которых он все искал и спасал утраченного друга, а утром вставал разбитый, с тяжелой головой и как робот, тупо выполнял порученное. Планировать свои действия на день и более вперед оказалось трудной задачей, еще труднее было думать самостоятельно, без подсказок. Даже отдыхать теперь было тяжело – самому приходилось выбирать фильм или музыку, искать новости о любимой команде... Повариха подкладывала ему куски

мяса покрупнее, специально сварила компот из чернослива, а Игнатъич даже предлагал выделить литр спирта из НЗ, чтобы «смыть горечь утраты». Да только Мишка знал, что они не понимают, не верят в то, как много для него значил Спут. Для них комп был подсобным инструментом, как лопата или мобильный телефон. А начальник хотел даже отправить его, как сумасшедшего, «от греха подальше» с вертолетом, который привез свежие продукты и практикантку Настю, уезжавшую по семейным делам. Очень ему не нравилось, что Мишка из нормального парня превратился в какого-то лунатика, забывающего донести ложку до рта или застывающего на месте во время работы с остекленевшими глазами.

Настя сразу же вникла в ситуацию, сделала выговор начальнику за черствость, отчитала двух геологов за недостойное поведение и непристойные шуточки (обсуждались варианты замены утраченного компа на более полезные вещи, например, надувную Спутницу с доставкой вертолетом), и посоветовала Игнатъичу приберечь спирт для служебных надобностей. Вместе с Мишкой они еще раз обошли старый лагерь, прошли вниз по вернувшейся в старое русло речке, заглядывая под каждый подозрительный камень.

- Мне вправду жаль, Мишаня. Ну хочешь, я тебе свой комп отдам, а? У меня Студент второй модели, еще очень даже ничего, - предложила она, когда они присели отдохнуть перед возвращением в лагерь.

- Нет, Настя, спасибо, - усмехнулся невесело Мишка и, когда она в утешение похлопала его по плечу, в нем словно плотину прорвало. – Моего Спута никакой Студент не заменит. Он был лучшим учителем и тренером, он знал все мои тайны и помогал мне жить. Он был готов выслушать меня в любое время, когда родителям было некогда, он заставлял меня делать то, что надо, когда мне было лень, поддерживал тогда, когда друзья были заняты своими делами. Я ведь за него и дрался, и переживал больше, чем за родителей и он для меня был больше, чем друг... Я знаю, для многих это кажется смешным. Они пользуются компьютерами, для работы или отдыха, но не считают их одушевленными. А Спут был таким славным, таким внимательным... Мы беседовали о разных вещах, читали книги, сочиняли песни. Без него я не смог бы хорошо закончить школу и поступить в Академию, это его заслуга. Даже сюда я бы не попал без его помощи...

Настя слушала внимательно и, когда Мишка иссяк, поникнув головой, задумчиво сказала: - Что ж, тебе надо жить дальше. Я тоже многое доверяю своему помощнику, иногда только ему и можно довериться, но он никогда не заменит мне человека. Ты не обижайся, Миш, только слишком уж ты уперся... А это ведь только машина, пусть и с

зачатками разума, или интеллекта, тут уж кому как нравится. Да только нельзя жить с машиной, это как-то не по-людски, понимаешь?

Мишка покосился на нее, но она смотрела серьезно, и он первым отвел глаза. Она разбудила его сомнения последних дней, словно содрала подсохшую корочку с раны. Время притупило боль потери, заставило его больше обращать внимания на окружающих. Он снова учился воспринимать мир самостоятельно, брать на себя ответственность за свои поступки и слова. И сейчас пожалел, что так разоткровенничался перед Настей. Но она, словно почувствовав это, взяла его за плечи и сильно встряхнула.

- Хватит распускать нюни. Может, скоро ты заведешь себе нового друга, но лучше искать друзей среди людей. Поверь мне, я ведь немного старше и у меня тоже был такой Спутник, честно. Но я никогда не могла считать его равным, способным заменить подругу. Помощником да, но не партнером. С ними легко, в них ведь заложено уважительное служение, они терпеливы так, как ни один человек. Да только не это нужно для настоящей любви и жизни. Ну, поможет он тебе день запланировать, выявит твои вкусы и поможет развлечься, даже ответы найдет на твои вопросы в Сети...

Настя даже ногой топнула, когда заметила, как он передернул плечами. И поняла, что попала в больное место. Но останавливаться не стала. Пусть уж выслушает все, что она хочет сказать, ей тоже было когда-то больно.

- Только души в нем нет, душу в него ты сам вложил. Вот потому и плохо тебе, что ты часть души потерял. Счастья с машиной не найдешь, можно только жизнь прожить по распорядку. И ты найдешь своего единственного и неповторимого спутника, на всю жизнь или на часть жизни. И он даст тебе то, что ни один супер-комп не имеет и иметь не будет. Понимаешь, о чем я? Только сначала начни его искать, своего настоящего спутника. Среди людей. А помощники у тебя всегда будут, без них действительно тяжело. И чем больше среди них будет людей, тем лучше. Ну что, пошли домой?

Она протянула руку и улыбнулась ему светло, будто солнце пробилось сквозь туманную дымку, и он подумал: а вдруг она права? Ведь он и сам об этом думал, только не так ясно. Впервые за последние дни он вздохнул свободно и решил: надо попробовать.

Мишка несильно сжал протянутую руку, соглашаясь принять помощь, и поднялся, чтобы начать возвращение. К людям, куда же еще, про себя буркнул он на вопросительный взгляд Насти. А она снова улыбнулась, поняв его без слов.

Проделки наших детей

(Из записок участника второй экспедиции. Новая Земля, декабрь 24 года)

08.12. День. Скворцов (командир отряда МЧС) предложил высадить первую группу разведки на Южном острове, а вторую группу – на Северном, на побережье пролива. Надо осмотреть окрестности, «прояснить обстановку». Не нравится ему, видите ли, что корабль с виду целехонек, подходи и бери. И никто не выскакивает, наружу, не машет руками от радости. Очень похоже на ловушку. Начальник наш, осторожный Ольховец, хмур и сильно озабочен, нехотя соглашается. Его понять можно: овальный корпус «Воробья» лежит рядом с какими-то строениями, метрах в ста от берега на Южном острове, виден только на экране локатора. Оптика дает «молоко» тумана на экранах, или белую сыпь, будто снег идет. Только какой же там снег, если температура за бортом плюсовая.

Что с кораблем – непонятно и Евграфыч докладывает, что ничего вокруг разобрать невозможно в деталях. На запросы «Воробей» не отвечает. Дистанционный контроль отключен. Работают ли реакторы – непонятно, внешних повреждений вроде бы нет. Никаких сигналов не наблюдается. Садиться рядом – значит подвергнуться риску разделить судьбу первой экспедиции...

Может и прав Скворцов, но главный-то Ольхович, ему решать. С ним всегда так, он не семь, а семьдесят семь раз отмерит, прежде чем что-то решить. Я чувствую, как ему хочется попасть на борт «Воробья». Все-таки он работает конструктором таких кораблей, поэтому его и назначили начальником. Основной причиной отсутствия связи с первой экспедицией считались именно неполадки корабля. Первый в серии «Воробей» многим внушал опасения, и теперь Ольховичу предстояло это проверить. Но как начальник, он должен, прежде всего, беспокоиться за людей, найти пропавших и вернуться, а техника – дело второстепенное. И он всегда возвращается, а это большой плюс при проведении спасательных работ. В этом я уже убедился на собственном опыте.

Вид сверху конечно жуткий, острова скрыты густым туманом, через который только локаторы пробиваются. Прибежал заместитель Скворцова, кажется, его Юрой зовут (плохо у меня с памятью на имена), и потащил меня в грузовой трюм. Надо проверить комплектность аптечек у разведчиков и «доступно, в кратком виде» (этот Скворцов выражается как настоящий солдафон) провести инструктаж по оказанию первой медицинской помощи в «условиях, приближенных к боевым».

Придется мне во избежание недоразумений, и по причине краткости знакомства с большинством, в дальнейшем называть всех по их специальности. Кроме тех, кого я знаю давно. Иначе сам запутаюсь.

Разведчиков, по три в каждой группе, высадили на воду, в моторные шлюпки, прямо в густой и мокрый туман. Жаль, ветра нет, сдуло бы этот туман... Евграфыч, напоследок, посоветовал им в случае опасности использовать световые гранаты. Мол, тогда хоть ясно будет, где их искать, чтобы эвакуировать. Я же подумал, что ребята молодые и вряд ли будут давать сигналы при первой же опасности. Будут тянуть до последнего, а потом может и не успеют ничего... От первой-то экспедиции никаких сообщений так и не получили, десять человек бесследно пропали. Хотя у них там военных не было, но ведь все были подготовлены, в хорошей физической форме. Многие участвовали в спасательных операциях. Да, что и говорить, странное это место...

08.12. Вечер. Южная группа пропала сразу после того, как добралась до «Воробья». Мы кружили над проливом, ожидая результатов разведки. Связь прервалась внезапно и, когда мы повисли над «Воробьем», то ничего уже не обнаружили. На экранах – «снег», что там есть, не разберешь. Скворцов требует посадки, но начальник дает ему от ворот поворот.

Евграфыч рычит по интеркому и возится в грузовом отсеке, что-то пытается соорудить из антенны-тарелки. С Северного острова группа Савина выходит на связь постоянно, пробиваются через какие-то заросли, больше похожие на джунгли (черт его знает, откуда они здесь взялись!). Направляются к источнику сигналов вблизи горы. Сигналы идут постоянно, похоже на маяк. Евграфыч говорит, что это просто что-то «коротит», но откуда на Северном источник электричества, спрашивается?! А черт его знает, буркнул наш главный специалист по приборам, вот сядем там, тогда и узнаем.

Осторожный наш начальник решил садиться на склоне горы. Там, судя по данным со спутника, есть достаточно ровная площадка. Скворцов тоже «за», высадим всех, говорит, подберем группу Савина и сразу же – к «Воробью»! Десантируемся прямо на корпус и обследуем его, вытащим своих ребят. Потом и остальных поищем, не могли же они исчезнуть бесследно. Прочесыванием острова всех обнаружим. Говорит уверенно, но предположений о том, что произошло с группой, не строит. Считает, что отказали передатчики. У всех и сразу? Сомнительно. Придется теперь всех его ребят экипировать медицинскими датчиками. Получится двойной контроль, одно откажет, другое – покажет...

Понять его можно, только как бы история с первой экспедицией не повторилась. Что у них могло случиться, непонятно. Заразу подцепить все сразу не могли, там ведь не

дураки были, все люди ученые, с опытом работ в опасных районах. Зонды у них были, приборы не хуже наших. И костюмы защитные. Должны были все анализы провести, прежде, чем выходить. Ладно, чего гадать.

09.12. Утро. В четыре утра сели на склоне. Туман, ветра нет и кругом одни камни. Выгрузили шатровые модули и половину припасов. Все, кроме первого пилота и Скворцова покинули борт и принялись за установку модулей.

«Снегирь» сразу ушел за группой Савина, увязших в джунглях недалеко от берега. Биодетекторы у них показали каких-то животных. Но разглядеть не смогли, далеко, а подобраться ближе им не давали. От южной группы ничего не слышно. Индикаторы всех троих перестали работать вместе с радиосвязью, будто их отключили. Внезапно и почти одновременно у всех. Не думаю, что они сами это сделали. Евграфыч бормочет, что они могли попасть в такое место, где связь экранируется. В железную бочку, что ли? Вопрос признан риторическим. Спутник никаких вспышек света в районе «Воробья» не засек. Начинаем обустриваться.

09.12. День. Ветер с запада крутит туман, изредка появляются «окна» и тогда видно, что внизу, метрах в ста под нами располагается ядовито-зеленое царство, охватывая склон горы. В трех километрах небольшое озерцо. Это спутник разглядел.

В шатровых модулях хорошо, нет сырости и тумана. Мне выделили половину модуля под лазарет, да только без стационарной аппаратуры, что есть на «Снегире» я как без рук. Не сидеть же в модулях мы сюда прилетели!

Да, ответил начальник экспедиции, собрав нас всех. «Снегирь» утром подобрал группу Савина, после передышки они попытаются высадить на тросах Скворцова с двумя парнями прямо на корпус «Воробья». Пусть попробуют осмотреться, а дальше – по обстановке. А нам предстоит заняться своим делом – изучением местных условий и выяснением полной картины происходящего здесь. Договорить ему не удалось, все столпились вокруг Евграфыча и пульта связи. Началось!

На экранах какие-то неясные тени, светлые пятна... Заместитель Скворцова начал комментировать происходящее: выбросили тросы и включили прожектора, спускаются сразу трое. Туман не помеха, у них тепловизоры. Скворцов встал на корпус, теперь, кажется Лоскутов... Чёрт! Проклятье, откуда ракета?... Прыгай, твою мать!...

Я заметил только вспышку малинового цвета, потом на средних экранах всё закачалось и закрутилось, пошло в сторону и виден был только туман. Слушать несколько голосов сразу непривычно, трудно разобрать, кто что говорит. Пилот бормотал: корабль не держит, правый движок сдох, тянем к проливу, высоту не наберем... Скворцов командовал: лежи, не дергайся... я спускаюсь... не высывайся...смотри, откуда будут

вспышки... И незнакомый мне голос хрипло и глухо повторял: зар-разы...зар-разы... Это, наверное, третий десантник.

Комментатор умолк, вслушиваясь в голоса, потом уставился на левый экран, где, как я понял, шла картинка со спутника. Кружок зеленого цвета медленно полз к берегу пролива, не дополз и замер. Средние экраны потемнели. На правом, судя по профилю рельефа, было видно, что «Снегирь» сел на крупные камни, метрах в тридцати от кромки воды. Дальше я уже смотрел только на «индикаторы здоровья»: все пять работали, отклонения были только у десантника Каримова. Видимо это он, спускался последним и это ему кричали: прыгай! Падение с высоты в 5-7 метров чревато последствиями...

Проклятье! Три индикатора десантной группы погасли.

Евграфыч, виновато оглядывается на меня, мол, делаю все, что могу. Но связаться он смог только с пилотом и Савиным, они выясняли степень повреждения корабля. Пилот говорит, что влепили хорошо, теперь грузовой люк не закроешь. Савин добавил: похоже на ракету «земля-воздух» и вообще, сейчас не до отчетов... Мы не стали мешать советами. Ольхович остался на связи, консультирует пилота.

09.12. Вечер. Вернулись геолог Жан и Юра. Пытались пробраться к источнику сигналов, всего в двух километрах отсюда, если верить приборам Евграфыча. Прорубили тропу метров на двести. Завтра собираются продолжить, захватив всех желающих помахать топором. Тут бы мачете больше подошло, да кто же знал...

Начальник до ночи гонял всех: таскали и расставляли приборы на склоне горы, запускали зонды... Каждый специалист развернул свой пульт, на который поступают данные от приборов. Все заняты и угрюмы. Ужин проходит в молчании.

Тепловизоры помогают мало, видимость - метров пять и всё, туман и здесь мешает. Связь с группой Скворцова отсутствует, Евграфыч пробует свою конструкцию, я присаживаюсь рядом со Степаном у пульта связи.

Пилот и Савин обещают к утру вернуться. Связаться со Скворцовым им так и не удалось.

Я сорвался, обругал Степана - помощника Евграфыча. За безобидное, в общем-то, замечание по поводу десантника Каримова. Ну не могу я по частоте пульса, давлению и ритму дыхания определить, что с ним произошло! Может он руку или ногу сломал, но этого по индикатору не определишь! Может быть, и есть такие умельцы, я себя к таким не отношу! Пришлось извиняться. Стыдно, доктор, стыдно.

А Степан и не обиделся, просто привык он, что кругом компьютеры и приборы, роботы и автоматика. Я объяснил, что для дистанционного диагностирования необходимо

совсем немного: чтобы бравые десантники начали в медицинских сканерах прогуливаться...

Тут я всех присутствующих рассмешил. Представить себе только – десантник в двухметровом коконе сканера, да еще блок обработки информации! Ха-ха! Неплохо получилось, ребята стали не так угрюмо оглядываться друг на друга. Жаль, что у нас команда сборная, не успели притереться друг к другу.

Будем ждать возвращения «Снегиря». Утро вечера мудренее.

10.12. Утро. Ветер крепчает, синоптики дали штормовое предупреждение. Ольхович решил не вызывать подкрепление. Действительно, стыдно ведь, сутки прошли - шесть десантников пропали, ничего не выяснили о первой экспедиции. Кто мог обстрелять ракетами нашего «Снегиря»? Откуда здесь люди, да еще с ракетными установками? Или это сработала какая-то старая военная техника? Система предупреждения этой зоны, объявленной опасной после устройства «могильников» для ядерных отходов не могла включать в себя боевые ракеты, это мы знали точно. Евграфыч качает данные через спутник, Степан пытается разобраться с данными по захоронению отходов. Оказывается тут десяток шахт заполнено, и это не считая тех, что военные накопили во время испытаний. Сам черт ногу сломит, но вместе с физиком должны разобраться.

Не было у нас времени на подготовку, вот что плохо. Собрали группу из тех ученых, кто имеет опыт спасательных работ, в последний момент взяли команду МЧС, на изучение предварительных материалов по истории архипелага не было времени.

Все-таки, научные группы СОЧ теряются очень редко и по причинам очень даже таинственным. Взять хотя бы группу Бельграна, в 20 году пропавшую бесследно в Токио. Обвал здания или авария вертолета, так и не удалось выяснить. Здесь тоже было что-то странное и пока непонятное. Что могло здесь произойти за четырнадцать лет после того, как острова покинули люди? Или не все ушли?...

«Снегирь» вернулся, створки грузового люка теперь не закрываются до конца. Общее состояние корабля в норме, система управления оклемалась и Ольховец этому радуется как мальчишка. Первый пилот и Савин спят. Второй пилот вызвался высадить к источнику сигналов двоих добровольцев. Начальник поскрипел немного, но согласился. Расстояние небольшое, пилот обещал не включать прожектора. Я хотел с ними прогуляться, но получил резкий отказ - врач в экспедиции один...

Покрутившись над зарослями, «Снегирь» завис над самым разреженным местом. По тросам спустились геолог Жан и спасатель Юра. Связь хорошая и Ольхович потребовал от обоих вести постоянный репортаж. Фонарями пользоваться начальник

запретил, хватит, говорит с нас и одной ракеты. Спорить никто не стал, тепловизоры в тумане даже лучше фонарей. Степан разделил голоса разведчиков по каналам: слева голос Юры, справа голос Жана. Меня больше интересуют индикаторы, не дай бог, опять пропадут сигналы. Камера Жана дергается и трудно разобрать, что там происходит. Юра камеру вешать на себя наотрез отказался, зато пистолет не забыл. Эх, мальчишка, этого добра у пропавших десантников тоже хватало...

Они оказались среди деревьев...высаженных ровными рядами! Что за деревья – не разберешь, ботаников среди нас нет. Все столпились вокруг экранов так, что дышать тесно. Юра идет впереди по какой-то тропинке... Жан вертится и камера покорно болтается туда сюда так, что мало что поймешь. Между деревьями какие-то грядки... Господи, кто же тут обосновался?! Внезапно Юра остановился, пригнулся и, выставив перед собой пистолет, начал водить им по сторонам. Замер и Жан, мы, перед экранами, затаили дыхание. Что-то большое и теплое бросилось на Юру, вскрик «Стой! Стрелять буду!», вспышки выстрелов... Камера дернулась и метнулась к земле. Жан захрипел, будто на него что-то навалилось, звук исчез. Экран потемнел и Евграфыч угрюмо сказал: «Всё. Приехали».

Я глянул на индикаторы – они погасли. Мне не верится, что ребята погибли. Тут что-то другое. И дурацкие инопланетяне, о которых начал говорить Степан, тут совсем ни в какие ворота. Чушь это и бред. В тарелки летающие я не верю, болтать на эту тему не люблю. Но пусть лучше о тарелках говорят, чем сидеть молча и гадать.

10.12. День. «Снегирь» вернулся на базу, как теперь мы называем нашу стоянку на склоне горы. Ольхович собрал всех и предложил высказываться. В общем-то, правильно. Мрак и туман, однако...

Нас осталось десять. Семь работников МЧС и один научник пропали. О том, что произошло с первой экспедицией, мы так ничего и не выяснили. План Скворцова провалился, сам он пропал. Теперь надо придумать что-то свое, с научной точки зрения, как невесело пошутил Ольховец.

Оставшийся спасатель, Геннадий, готов высадиться один и добраться-таки до «Воробья». Ему предложили не горячиться и заняться кофе для участников совещания. Евграфыч многозначительно кивнул в мою сторону, мол, доктор в случае чего мигом успокоит каким-нибудь укольчиком.

Василь начал было оживленно и пространно рассказывать о том, что поверхность острова подогревается изнутри, как будто внутри находится распределенный источник тепла с несколькими очагами, но радиационный фон при этом нормальный. Только на Северном острове превышает норму, но ненамного. И один из очагов тепла располагается

как раз рядом с «Воробьем». Зона здесь сейсмически не активная, вулкана нет, но впечатление такое, будто под островом что-то происходит, но сейсмографы ничего не дают... Все слушали с интересом, но начальник вежливо попросил его высказывать свои соображения по поводу того, что нам делать дальше и Василь сник. Нет у него предложений, пока.

Я только в затылке чесал после таких известий. Тоже мне, новая «Земля Санникова», индейцев тут только не хватает. И шамана. С бубном. Как это было бы просто и хорошо. Тогда вполне понятно становится, куда исчезают наши десантники.

Биолог вдруг заявил, что такие джунгли сами вырасти не могли, тем более не могли здесь просто так, ни с того, ни с сего, объявиться какие-то крупные животные. Значит, сделал он вывод, кто-то сюда всё это притащил. Биологической опасности по его данным нет, это сразу же с помощью зондов выяснили, в первый день. А теперь надо вызывать хорошо оснащенную группу, с бронированным вездеходом...

Степан его тут же поддержал: правильно, танковый десант на парашютах сбросить или напалмом почистить местность. Чтобы не страшно было потом останки изучать. Биолог сконфузился, а Евграфыч только кулаком погрозил своему помощнику. Но Степан этого не заметил и вспомнил о террористах. Нехорошие дяди решили вытащить отходы из могильников и вернуть их обратно, а тут им помешали... Ну да, как же, весьма актуальная тема. Особенно здесь, у черта на куличках. Тут уж пришлось начальнику его осаживать.

Химик посмотрел на свой планшет и тоже всех успокоил: ничего тут страшного нет, все в норме. Покосился на Степана и предложил заняться той задачей, ради которой и прибыли сюда: выяснить, что произошло с первой экспедицией. Для этого можно высадить еще одну группу из трех человек на берегу, поближе к «Воробью».

Тут все разочарованно загудели, а он невозмутимо добавляет: вместе с ними выгрузить Клопа и пустить его вперед. Эта идея, насчет Клопа, о котором мы все забыли, вызвала бурную реакцию общества.

Действительно, дистанционно управляемый механизм для спасательных работ, очень похожий на клопа, только с восемью ногами-манипуляторами показал себя как лучший помощник для спасателей. Вот только выдержит ли он попадание ракеты? Будем считать, что до этого дело не дойдет.

Через полчаса уточнений, начальник принял решение, с которым все согласились. Евграфыч выбрал трех помощников и отправился в грузовой трюм, снова греметь железками. Я ему не понадобился, руки у меня слишком ценные, чтобы их об железки обдирать. Вот не ожидал такой заботы от него, на Сахалине сам мне в руки ломик совал,

когда надо было завалы разгрести. Правда, тогда нужно было торопиться, толчки шли постоянно...

10.12. Вечер. Клопа проверили и дооборудовали. Установили две дополнительные камеры, теперь обзор был на все 360 градусов. Оператор не сможет уследить за всеми экранами, придется еще одному помощнику смотреть на боковые экраны. Утром начнется последний десант. Если и он закончится неудачей... Даже думать не хочется.

11.12. Утро. Шторм вовсю разошелся, наружу не высунешься, сдует. Туман есть или нет, не поймешь, вихрящаяся снежная пелена все скрывает. Первый пилот гарантирует, что «Снегирь» будет послушным мальчиком, и осторожный начальник дает «добро» на полет.

На борту – шестеро. Я в том числе, если высадка будет удачной(три раза через левое плечо), то моя помощь может понадобиться. Пропавшие десантники где-то рядом должны быть.

Снег не успевает таять, целые сугробы наматывает, скрывая камни. Тут и ноги можно переломать, при таком-то ветре. Клоп выполз на своих восьми лапах из грузового трюма, приподнялся над сугробами и, под руководством Степана, сидящего вместе с физиком Василем за пультом управления, неторопливо направляется в сторону «Воробья». Уползает в снежную кашу тонкий стальной трос, привязанный к Клопу, будем надеяться на удачу...

Клоп добрался до входного люка «Воробья» без приключений. Проверка люка: все работает. Ухватившись за трос, первым в снежную круговерть отправляется биолог. Он благополучно добирается до люка и ныряет в него. Люк закрывается, за трос берется последний МЧС-ник... и Степан останавливает его криком. Я бросаюсь к экранам: Степан, оскалившись, ворочает обеими руками джойстики управления, Василь азартно вскрикивает... На экранах шевелятся какие-то металлические суставы, мелькают клешни манипуляторов. Битва железных монстров, внук у меня играет в такие игры. Чем это они занимаются?

Степан сквозь зубы ругается: трос мешает, так-перетак! Василь ошарашено бормочет: смотри слева, смотри справа ...какой-то робот...дай ему хорошенько!

Степан, не отрывая взгляда от экранов, интересуется: «На «Воробье» были Клопы?»

Я хочу ответить, что не знаю, но не успеваю. Слышится взволнованный голос Ольховича: «Нет. Не было. Что у вас происходит?»

До меня только теперь доходит: Клоп пытается совладать с чем-то похожим на него, но более гибким и резвым. Василь начинает объяснять начальнику, что на Клопа

напал какой-то робот или похожий на него механизм, потом замолкает с открытым ртом. Степан кричит: Какого черта!...

На экранах что-то вспыхивает зеленым, и я кидаюсь обратно, к приоткрытой створке грузового трюма. Так и есть, МЧС-ник не послушался Степана и кинулся к «Воробью». Это он стрелял, парализатор против стальных манипуляторов! Идиот! От пульта управления слышны крики Степана, но я хватаюсь за трос и, подкинув повыше сползший рюкзак со своим снаряжением, бросаюсь наружу...

11.12. День. Обвинение в мальчишестве я проглатываю молча. С начальником, который всегда прав, я еще поговорю, наедине. Связь отключается, минут через пять начальник будет здесь. Но когда Скворцов говорит что-то про слабую дисциплину среди научных работников, я его резко обрываю. Нечего учить меня жить по уставу, во время боя санитары не прячутся, а идут вместе со всеми. Скворцов обиженно поджал губы, а я с усмешкой вспомнил, что бежал-то без всяких соображений об уставе или о чем-то другом, с одной только мыслью – не свалиться на скользких камнях. И, в общем-то, не зря бежал.

Оглядев всех собравшихся в бетонном бункере, я потихоньку сунул в рот таблетку, сердце что-то колет и пальцы дрожат. Но это ерунда, пройдет. Главное, что все живы. А синяки и вывихи не в счет, при таком-то финале. Как в голливудских боевиках. Даже и не верится.

Оба парализованных очнулись как раз к приходу начальника. Третий абориген, бородач Витя, помогает им подняться и перейти в бункер из тесной комнатухи с кроватями. Начальник просит Степана установить парочку телекамер и дать прямую трансляцию оставшимся на базе и через спутник в Новоград. Что ж, толково, об этом надо было самим догадаться.

Двое очнувшихся аборигенов поначалу пытаются отмалчиваться, но, узнав, что бородач уже многое разболтал, сдаются и начинают говорить. Теперь у меня, а может и у всех остальных, начинает складываться связная картина. А поначалу ведь какая-то каша была из торопливых выкриков испуганного бородача, воплей освобожденных МЧС-овцев и экипажа первой экспедиции.

Шесть лет назад один парень решил доказать всем, что современный человек уже способен гармонично вписываться в самые неблагоприятные природные условия. Для того, чтобы это не казалось голословным утверждением, он решил доказать это на деле. Собрав компанию таких же молодых авантюристов, оказавшихся еще и талантливыми специалистами в самых различных областях, он выбрал место, где им никто не будет докучать праздным любопытством. Новая Земля, после устройства на ней могильников для ядерных отходов, была объявлена зоной повышенной опасности и поначалу за ней

сlediли. Но вскоре, в суете по ликвидации затопления прибрежных районов по всему миру, после печально известного Токийского землетрясения и прочих напастей, обрушившихся на мир, о Новой Земле позабыли. Даже ежегодные инспекции прекратили, положившись на автоматические сигнализаторы и маяки.

Компания молодых авантюристов энергично взялась за дело: перебросили на Северный остров первую группу, оборудование и запас продуктов. Каким образом они доставляли все на остров и почему не поднялась тревога? Это на них накинута Скворцов, но не тут-то было. Тут они уперлись рогами в стенку и наотрез отказались выдавать свои маленькие секреты. Ладно, успокоил их начальник, это мы сами выясним. Давайте дальше. Троица обменялась тревожными взглядами, но рассказ продолжила.

За год они проббили ходы к контейнерам с отходами и запустили первый чистый» реактор, который дал энергию для дальнейших работ. Подземные работы велись с помощью двух «кротов», которые они сделали из остатков того оборудования, что было брошено на острове военными и строителями могильников.

Начальник недоверчиво смотрел на них: «кроты» стоили дорого и собрать их здесь, тем более из каких-то остатков... Но парни пообещали, что мы поверим им, как только познакомимся с руководителем колонии. А «чистый» реактор тоже был доработан, теперь таких реакторов шесть штук работает – острова-то они греют. Тут наши физики-химики тревожно переглянулись, но парни клятвенно уверяли, что никакой опасности нет и все под контролем.

Ну, а когда они рассказали, что на второй год сюда перебросили оборудование для биологических работ и занялись генной модификацией растений и животных, чтобы оживить острова, то тревожно начали переглядываться и биологи.

Переселились сюда все остальные на третий год, когда были уже подготовлены жилые помещения на Южном и создана надежная база для нормальной жизни. Вот тогда и дали колонии название: «Полярный лебедь».

Да, это ж надо было на такое решиться! Что-то совершенно неправдоподобное. Но с другой стороны – все симптомы, как говорится, налицо! Тепло есть? Джунгли растут? И животные какие-то здесь бродят... Вот они, виновники всего этого, передо мной. Как тут не поверишь? Но свои сомнения я высказывать не стал. Когда спросят, тогда и скажу. Но, судя по лицам, многие уже поверили.

Начальник остановил колонистов, когда они начали описывать свою жизнь, полную приключений и потребовал встречи с остальными колонистами. Больше всего интересовал тот, кто это все задумал и так рьяно взялся осуществлять. Нет проблем, сказал крепкий парень с усиками и открыл планшетку-комп. У нас оптоволокно на

Южный протянуто, чтобы не «шуметь» в эфире, пояснил он недоверчивому Степану. На экране показалось лицо, сплошь заросшее рыжей бородой и начальник наш даже крикнул от удивления.

Руководителем колонии оказался известный конструктор управляемых механизмов, с которым начальник был знаком, встречался в Новограде. Клоп, как оказалось, был предпоследней разработкой этого молодого и талантливого парня. Последняя разработка, о которой еще никто не знал, как раз использовалась для перехвата наших разведчиков, это с ней дрался наш Клоп. И захватить врасплох первую экспедицию тоже удалось с ее помощью.

Они договорились, что небольшую группу, состоящая из ученых, «Снегирь» высадит у озерца, где их встретит сам руководитель колонии. Что ж, экскурсии я люблю...

11.12. Вечер. Впечатления от увиденного самые благоприятные. Все хорошо задумано, если работы продолжатся, то через пару лет здесь будет очень уютно. Но!

Начальник, да и специалисты испытывают сомнения, это понятно. Мало того, неизвестно пока как к этому самоуправству отнесется наше родное правительство, опять начнут возмущаться американцы, да и европейский союз тоже начнет орать... Будут, будут, ещё как будут! Но ведь какой пример для подражания, а?!

Вот тебе уже начатый, развивающийся проект для СОЧ, неужто не отстоим? А без серьезной поддержки их же затопчут, наши «бояре» думские и затопчут, как это бывало. Или начнут решать, кто за эту колонию отвечать должен и растянется на несколько лет эта нервотрепка, а для начала закроют тут все, колонистов - по домам, солдат - в бункеры, ключочкой острова замотают... И пропадет хорошее дело.

Начальник со мной согласен, ученые тоже, Скворцов же помалкивает, хотя ребята его уже перестали обижаться, что их так легко одолели. Ну, посидели немного в бункере, не голодали, только скучно было. А вожак у колонистов хорош. Предварительные выводы наших спецов подтверждают безопасность и уникальность проведенных колонистами работ. Такое придумать, собрать талантливую команду - не каждому опытному ученому под силу. Да еще довести дело до конкретных результатов... Тут я шляпу снимаю...

12.12. День. Собрались мы в кают-компании «Снегиря», народу набилось - как селедок в бочке. Всем хотелось напоследок посмотреть и послушать предводителя колонистов. Пришлось Евграфычу организовать трансляцию на большой экран в грузовом трюме, куда и отправили половину народа.

Володя почесал под густой бородой и усмехнулся, серые глаза его озорно блеснули. Не рассчитывали они, что так скоро к ним гости пожалуют. Первую

экспедицию, ничего не подозревавшую, они взяли легко, по одному перехватывали, когда они разбрелись по острову. К нашему прилету они готовились, но не ожидали, что мы так быстро появимся. Да еще с командой спасателей. С настоящими бойцами спецназа они бы не справились. А так, как только поняли, что ничего страшнее парализаторов у нас нет, то решили, что справятся и с нами. А с гранатометом Сеня проявил инициативу, убить его за это мало! Попугать хотел, дурак. Вы уж его простите... Мы сами перепугались до смерти.

Все присутствующие рассмеялись. Начальник сделал милость, простил. И повел разговор о том, что скрывать существование колонии теперь невозможно. Володя удрученно кивал головой, но по глазам его было видно, что так просто они не сдадутся. И опытный наш начальник это тоже понял, поэтому сразу перешел к делу и выложил несколько вариантов возможного развития событий. О многом колонисты даже не задумывались, судя по их реакции. Но наш начальник не стал затягивать паузу и выложил козырную карту: предложил колонии войти в Свободную Организацию Человечества, на правах исследовательского проекта. Володя понимающе кивнул: «Да, это хорошее предложение». Потом ткнул вверх пальцем: «Без них нам бы пришлось гораздо труднее».

Я понял, что он говорит о солнечных зеркалах, которые по проекту СОЧ начали выводить на геостационарные орбиты для освещения северных районов Сибири и Дальнего Востока во время полярной ночи. Сквозь пелену свинцовых туч и снежную метель зеркала были не видны, но даже сумрак, создаваемый ими был лучше непроглядного мрака, в который раньше на месяцы погружались эти острова. К хорошему быстро привыкаешь, перестаешь замечать... Шибко почесав в затылке, Володя попросил дать им время для обсуждения. На том и разошлись.

Начальник объявил о том, что на подготовку к отлету «Снегиря» дает двадцать четыре часа и всех, кто не успеет собраться, оставит колонистам на опыты. Все засуетились. У меня тоже нашлось, чем заняться...

12.12. Вечер. Да, Ольховец, старый наш начальник, опытный и осторожный, мог теперь вздохнуть с облегчением. Вторая спасательная нашла всех, и первую «пропавшую» и даже два десятка новых людей. Очень смелые ребята, эти колонисты. И очень самоуверенные, что вовсе не хорошо. Пять лет в таких условиях – это же риск огромный, как на них все это отразилось...

Я провел принудительное обследование всех поголовно. Всех прогнал через сканеры, мужчин на «Снегире», а женщин на «Воробье». И, к счастью своему, ничего плохого не обнаружил. Прекрасная физическая форма, несколько старых переломов и шрамов не в счет. А женская половина меня очень порадовала и обеспокоила: население острова через несколько месяцев собиралось увеличиться на две души. Конечно, с

Витальдом, врачом колонистов, я поговорил серьезно и потребовал пройти в ближайший месяц курс переподготовки у нас, в Новограде. Да и оборудование можно будет им подкинуть, то, что у них есть порядком устарело. Если все сложится благоприятно...

В том, что колонисты примут предложение СОЧ, у меня сомнений не было, как и у начальника. И очень было приятно узнать, что «Воробья» на время оставляют в распоряжении колонистов. Научники первой экспедиции быстро перегрузились к нам. Потом два специалиста решили задержаться на острове, наш физик и биолог из первой. А за час до отлета и меня удивила моя воспитанница, Аля, тоже решившая остаться. Но тут дело, как я догадался, было в том, что ей приглянулся пилот «Воробья», Алишер. Что ж, дело молодое, и я шутливо благословил ее, выразив надежду, что мы еще свидимся.

Наступило время расставания, и я совсем не удивился, когда начальник наш, прощаясь с колонистами, назвал их детьми и пожелал успеха. Мне оставалось только повторить его слова.

Подарок

Два часа он ползал между грядками, собирая поспевшие ягоды в плетеный туюсок, придирчиво осматривая каждый кустик: не появилась ли плесень, и нет ли следов слизняка. Солнце уже хорошо припекало, когда от калитки послышался звон колокольчика, кто-то знакомый вошел, иначе запищал бы брелок-охранник, висящий на поясе вытертых джинсов. Поднявшись в три приема и растирая поясницу, он направился к домику, скрытому за деревьями сада

По мощеной кирпичом дорожке к крыльцу подходили сын с женой и внучкой, которая, заметив деда, появившегося из-за высоких кустов облепихи, радостно вскрикнула и, широко раскинув руки, как птаха, бросилась навстречу.

- Деда, лови меня!

- Ух ты! Здравствуй, радость моя, — подхватив шестилетнюю девчущку в нарядном голубом сарафанчике с вышивкой, дед качнулся и закрутил её, радостно взвизгнувшую, вокруг себя. После третьего оборота он поставил ее на ноги, переводя дух и борясь с головокружением. Показал на стоящий рядом туюсок: - Вот, Леночка, угощайся. Самая лучшая ягода с утра собирается.

- Ленуся, подожди, - остановил потянувшуюся за душистой красной ягодой дочь крик невестки. — Надо руки помыть, да и ягоды тоже.

Внучка с удивлением повертела ладошки перед собой и повернулась к родителям: - Но они у меня чистые, мам! Мы же в машине ехали!

- Это ты так думаешь, - подходя вместе с неловко улыбающимся мужем, строго сказала дочери Анна. — Здравствуйте, Семен Михайлович. С днем рождения вас! — Она улыбнулась, обнажая ровные белые зубы, и протянула руку. Семен Михайлович легонько пожал её и склонил голову в поклоне, ощутив резкий, раздражающий запах косметики. Ногти у Анны были длинные, коричнево-розовые, с рельефным рисунком на каждом.

- Спасибо, Анечка, что приехали и Леночку привезли. Сейчас самая ягода пошла, можно и в бор сходить, грибы уже появились, - скрывая досаду на то, что внучке не дали попробовать ягоду, ответил Семен Михайлович. Вечно невестка озабочена чистотой, прямо мания какая-то у нее, а ведь ничего чистого в природе не бывает. Это только искусственно можно чистоту создавать. Чистые металлы или чистый вакуум, например, это понятно. А вот чистые руки — это нереально, даже у хирурга в операционной на руках стерильные перчатки.

- Привет пап! С днем рождения! — обнял отца Валера и похлопал по спине. — Мы тебе подарки привезли. От родичей, от Савичевых, они завтра приедут... Только надо

вытащить из машины. Как ты тут, не скучаешь в одиночестве? Мама позже подъедет, она ещё готовится. Решила нас побаловать своими рецептами. Её Димка привезет, к обеду.

- Спасибо, спасибо сынок... Ну, пойдём в дом или помочь с разгрузкой? — улыбаясь, спросил Семен Михайлович и тут же засуетился, вспомнив, что он в рабочей одежде гостей встречает.

- Вот черт, я ведь ещё и не переоделся. Леночка, идите с мамой в дом, умойтесь. А мы пока пойдём к машине...

- Да ладно, пап, не суетись. Мы ведь знаем, что ты у нас труженик сада и огорода, — со смехом остановил его сын и, приобняв за плечи, повел в дом. — Сейчас переоденешься, умоешься и проведешь экскурсию для Ленки по своему саду. А машину есть кому разгрузить.

- Это как же, ты на служебной? — удивился Семен Михайлович, поднимаясь по ступенькам. Анна с внучкой уже зашла в дом и теперь командовала в ванной: - Так, теперь лицо сполосни...

- Да нет, пап, на своей. Просто знакомого попросил, чтобы покатал сегодня, — немного замямвшись, сказал сын, придерживая дверь и пропуская отца вперед. — Скоро сам всё узнаешь, пойдём.

Стол, после недолгих споров с Аней, закончившихся неожиданной поддержкой сына, решили накрыть с южной стороны дома, под решеткой навеса, оплетенного хмелем и дающего прохладную тень. Да и мошка здесь не помешает, она хмель не любит. Пока выносили из дома стол, какой-то парень, молодой ещё, лет семнадцати, мелькнул на дорожке с большой картонной коробкой. Семен Михайлович дернулся было познакомиться, но когда с мебелью управились, парень как сквозь землю провалился. В доме его не было, в саду тоже. Скорее всего, в машину ушел, радио послушать или с компьютером возится. Нет, так не годится. Что же он там будет один сидеть, не полюдски это, надо его позвать. Пусть в саду погуляет, или в доме ТВ посмотрит.

Валера, услышав эти рассуждения, расхохотался и махнул рукой: - Погоди, пап! Он уже уехал, вернется скоро. Мама с Димкой приедут, тогда и познакомишься.

Леночка-белочка, внучка его единственная, уже пыталась забраться на ствол яблони, пыхтя и пачкая ладони. Хорошо, что мамочка не смотрит в её сторону. Лучше всего бывает, когда сын привозит внучку одну, тогда они все вместе делают что хотят, не обращая внимания на чистоту своих рук: и на деревья лазают за яблоками, и ягоды едят немые, и в огороде вместе копаются. Ребенок должен с природой общаться напрямую, без компьютеров и телевизоров, всё должен потрогать своими руками, чтобы знать в каком мире живет. Жаль только, что редко они приезжают. Аня считает, что ее дочь

должна быть цивилизованной, больше времени проводить за изучением этикета и английского, вместо того, чтобы без толку носиться по лесу или ковыряться с дедом в саду. Валера же ей не перечит, считает, что жена лучше знает, что нужно для дочери. Вот если бы был сын, тогда, его воспитанием занялся он сам. Так кто ж мешает завести второго ребенка, усмеялся дед. Ох уж эта занятость, собой меньше бы занимались, тогда и на детей время бы нашлось.

- Что ж, дорогой, позволь мне начать, - стоя с бокалом шампанского, обвела взглядом собравшихся за столом гостей жена, Лидия Матвеевна. — Вот и стукнуло тебе пятьдесят восемь, через два года будет круглая дата. Прожили мы с тобой уже тридцать три года, вырастили сына и дождалась внучку. Исполнил все, что положено сделать: ты вырастил этот сад, - тут она повела рукой и пролила немного из бокала на сидевшего рядом племянника Димку, но не заметила, тот вежливо промолчал, прижав салфетку к плечу,- построил этот дом и вырастил сына.. И не его одного, ещё тысячи детей, в своей школе. Живи ещё столько же, родной мой Сеня, сто лет ещё...

Лидия Матвеевна шмыгнула носом и прижалась к груди Семена Михайловича, вставшего рядом. Остальные одобрительно зашумели, поддерживая здравицу, зазвенел хрусталь, возвещая начало праздника.

- Спасибо, родная моя! - Поцеловав жену в затылок, Семен Михайлович звякнул своим бокалом о её и залпом выпил шампанское. — Давайте начнем гулять, как полагается. Меньше слов, больше пищи, друзья!

- Ура! — вскрикнул Димка, хватаясь за бутылку, чтобы долить имениннику, но Семен Михайлович сделал протестующий жест и, усадив жену, сел сам и потянулся к графинчику с собственноручно приготовленной наливкой из вишни. Не уважает он всю эту заводскую синтетику, неизвестно из чего ее готовят, лучше свое, домашнее.

Валера обслуживал дочь и жену, раскладывая по тарелкам изумительные салаты, которые так замечательно готовила мама. Виктория, сестра Лидии Матвеевны расхваливала салаты и требовала от мужа, полковника приехавшего в форме, чтобы он обязательно все попробовал, грозила пальцем сыну Димке, старательно наливавшему напитки в опустевшие бокалы и фужеры. Все было замечательно. Негромко играла музыка, это Валера постарался: выставил на подоконники колонки звуковой системы и поставил специально подобранный диск с любимыми мелодиями отца. Изредка налетавший ветерок шелестел листвой и световые зайчики, пробившись сквозь нее, прыгали по богато уставленному столу, посверкивая на хрустале и мельхиоре, вызывая восторг Леночки.

После третьего тоста прибыл старый друг Степан Гаврилович с супругой, даже в субботний день не сумевший вырваться из своего института пораньше. Семен Михайлович сам налил ему штрафную, заставил выпить сразу, потом усадил напротив себя и с удовольствием осмотрел стол и дорогих гостей. Теперь совсем хорошо, все дорогие ему люди собрались.

- ...Восьмой случай уже и никаких следов, - развел руками полковник. — Собак привозили, так они только скулят да фыркают. А у меня комиссия за комиссией, проверяют так, что только пыль стоит столбом.

- Говорила тебе, это полтергейст, - авторитетно заметила его жена и рассмеялась, вызвав сотрясение своего полного тела, затянутого в красное платье с широким декольте. — Я же тебе говорила...

- Нет, Вика, это не то совсем, - с досадой сказал полковник. — Я в «барабашек» всяких не верю, это кто-то другой.

- Может быть, медведь или рысь, была? — вставил раскрасневшийся от шампанского Димка, полковник сразу повернулся к нему всем телом, будто шея у него окостенела под кителем. - В тайге ведь они могут и зимовье разграбить, так и тут. Хотя, если собаки след не берут, значит, это другое...

- Скорее всего, это ваши же люди и делают, - вмешалась Лидия Матвеевна и усмехнулась сестре, посмотревшей на нее с удивлением. — У нас тоже было несколько таких случаев. Воровали запасные части для техники охранники, а для отвода глаз под забором лаз прокопали и даже следов наделали, чтобы от себя подозрения отвести. Но их с поличным поймали, когда камеры установили, которые в темноте видят. Вот и вам надо такие же поставить, Егор.

- Где деньги на это взять? — горестно закатил глаза полковник и залпом осушил рюмку с водкой. - Еще один офицерский комплект пропадет, и меня точно посадят, он ведь не три рубля, а тридцать тысяч стоит.

- Ничего, разберетесь, - вновь колыхнулась всем телом супруга полковника. — Правильно Лидочка говорит, свои воруют...

- Деда, смотри, что я тебе подарила, - отвлекла Семена Михайловича, предположившего про себя, что шурин его сам же и подворовывает со своего склада, вместе со своими друзьями-однополчанами, внучка. Она принесла из дома коробку в яркой цветной обертке и перевязанную синей лентой. В коробке оказалась книга, о которой он знал, но в руках держал впервые: подарочное издание «Мастер и Маргарита» Булгакова. Семен Михайлович сухо сглотнул и укоризненно посмотрел на сына: такие расходы! Но тот только плечами пожал и улыбнулся.

- Боже мой, какая прелесть! - тут же восхитилась Лидия Матвеевна, сестра ее глянула на книгу и недоуменно пожала плечами: тоже мне, подарок, и деловито поправила крупный перстень на левой руке. Полковник скользнул безразличным взглядом по книге и потянулся к графинчику с грушевой водочкой, а вот у Димки книга вызвала интерес, он вытянул шею, разглядывая обложку. Гаврилыч удивленно покачал головой, глядя на подарок с завистью, и подмигнул имениннику: мол, каков сынок, а?! Ну, а Светлана Акимовна, жена его, поцокала язычком, словно белка, в знак восхищения подарком и одобрительно кивнула Валере и Ане. Аня тут же расцвела, довольная произведенным эффектом, подарок был действительно дорогой.

- А мы тебе, деда, еще один сюрприз приготовили! — радостно заявила внучка и обернулась к родителям. Валера с улыбкой кивнул дочери, Аня нахмурила брови, давая понять, что дочь ведет себя неправильно, но тут же улыбнулась, заметив любопытные взгляды гостей.

- Да, пап, мы со Степаном Гаврилычем, Светланой Акимовной и Анечкой, решили тебе преподнести еще один подарок, совместный, - сын легко поднялся и протянул отцу конверт. Семен Михайлович взял конверт, повертел его в руках и хотел отложить в сторону, но друг Гаврилыч остановил его, подняв руку: - Нет, ты уж посмотри друг мой, посмотри.

- Да ладно, Гаврилыч, потом, - протянул смущенно Семен Михайлович.

- Сеня, посмотри, будь ласков, - подошедшая сзади Светлана Акимовна положила ему руки на плечи.

- Да как-то неудобно, Светочка, - начал было оправдываться именинник.

- А почему бы и нет? — вскинула брови Виктория Матвеевна, словно задетая за живое. — Все свои кругом, чего стесняться?.

Полковник потянулся за рюмкой, но она оказалась пустой.

- Действительно, - пробурчал полковник, наливая себе сам и не обращая внимания на предостерегающий взгляд жены. — Поч-чему бы и не посмотреть? Эт-то всем интересно.

- Валера, поставь-ка ты нашу любимую, - обратилась к сыну Лидия Матвеевна, нарушая тишину и спасая покрасневшего от всеобщего внимания мужа, вынужденного из конверта лист плотной бумаги и золотистую пластиковую карточку.

— Белый танец! — объявила она, вставая, и протянула руку Гаврилычу. Леночка захлопала в ладошки и подскочила к Димке, который тут же подхватил ее на руки и под нарастающие звуки вальса, закружил, отходя от стола по дорожке в сад, где можно было

покружиться без опасения задеть что-нибудь. Через минуту за столом остался только Семен Михайлович, изучающий содержимое конверта.

- Ну и как тебе, пап? — весело спросил сын, усаживая супругу за стол.

- И кто это придумал? — спросил помрачневший Семен Михайлович, бросая недовольный взгляд на старого друга. Улыбка сменилась озабоченным выражением на лице сына, Гаврилыч удивленно приподнял брови.

- А что такое? - настороженно спросила жена и потянулась к нему, Семен Михайлович похлопал ладонью по конверту, не отводя взгляда от лица сына.

- Пап, ты чего? Тебе не нравится подарок? — с обидой в голосе спросил Валерий и недоуменно посмотрел на мать.

- Ну чем ты опять недоволен? — поинтересовался добродушно Гаврилыч. — Давай лучше выпьем за то, чтобы тебе это понадобилось не скоро. И вообще, я не понимаю, зачем нам сейчас говорить об этом.

- В том-то и дело, - сердито вскинул голову именинник, лицо его побледнело. — Как можно такое дарить?! Это же чужая жизнь, понимаешь?

- Пап, ты не переживай, не хочешь и не надо, - хотел успокоить отца Валерий, но тот отмахнулся от него и ткнул пальцем в Гаврилыча.

- Нельзя распоряжаться чужой жизнью так... легко и бездушно. Ладно, когда врачи выращивают какие-то органы для пересадки, это понятно, но тело выращивать, словно футляр... Это уж слишком! - закончил уже вполголоса Семен Михайлыч, и замолчал, опустив голову. Гости непонимающе переводили взгляды с него на Гаврилыча, который только усмехнулся.

- Ну вот, на тебя не угодишь. После 50-ти лет человек из одних болячек состоит, то отказывает, это перестает работать... Не жизнь это, я тебе уже говорил, а одно расстройство, - спокойно ответил Гаврилыч и поднял рюмку. — Брось ворчать, давай лучше за твоё здоровье выпьем. Пусть этот подарок не скоро понадобится, но в будущем пригодится. Вика, Костя, Света... Димка, посмотри, у всех налито?

- Точ-чно в цель, давайте за именинника! — радостно поднял рюмку полковник. — Чего там мудрить, дареному коню в зубы не смотрят!

Все за столом оживились, потянулись к имениннику рюмки и фужеры, но он сердито засопел и отвернулся. Жена ласково похлопала его по плечу и извинительно улыбнулась гостям: - Сеня, так нельзя... Ты не пей, но гостей уважь.

Именинник дернул плечом, потом с хмурым лицом все-таки взял рюмку с наливкой и нехотя поднял. Выпили, снова заиграла музыка и Леночка, спрыгнув со стула, потащила Димку в сад. Ей захотелось посмотреть крыжовник, поспел уже или нет.

- Слушай, Сеня, а чего ты взбеленился-то? — поинтересовалась сестра жены, когда Лидия Матвеевна отправилась за горячим, захватив с собой сына. — Подарок не по вкусу пришелся? Что там такое?

- А, это неважно, - пробурчал с недовольным лицом Семен Михайлович, бросив быстрый взгляд на Гаврилыча, негромко обсуждавшего что-то с полковником, которому очень понравились наливки.

- Ну вот, и спросить нельзя, - поджала губы Виктория Матвеевна, но ей ответила Аня, которой очень не понравилось, как отреагировал на подарок именинник.

- Да сущий пустячок - разрешение на клонирование, со страховкой. Жаль только, что не угодили Семен Михалычу... А вот Лидия Матвеевна очень обрадовалась.

- Ого! - только и смогла выдохнуть Виктория Матвеевна, она посмотрела круглыми глазами на именинника. - Это же столько стоит...

- Да, стоит дорого! - тут же вскинулся Семен Михайлович, слышавший слова Ани очень хорошо, да она и сказала так, чтобы он услышал. - Только вот принять такой подарок для меня невозможно!

- Почему это? - громко спросила Аня, привлекая общее внимание. - Неужто вам это не надо, Семен Михалыч? С вашим-то здоровьем... Или для вас это недостаточно щедрый подарок?!

- Как ты можешь так говорить? - укоризненно посмотрела на невестку Виктория Матвеевна.

- Аня! Прекрати пустую болтовню! — встрепенулся Степан Гаврилович и начал вставать, но ему не дал подняться полковник, которому очень хотелось досказать свою мысль.

- Не, Гаврилыч, погоди... Получается, что это уже не демократия, а фигура из трех пальцев... Ты мне... меня перебил. Пусть они сами р-разберутся, не мешай им, - но Гаврилыч оторвал его пальцы от своей руки и двинулся к дочери, натываясь на стулья. Аня, откинувшись на спинку стула, в запале бросала слова в тестя, сидевшего с опущенной головой.

- Конечно, это ведь так легко — зарабатывать деньги! А какой риск, вы знаете? Сколько Валерке стоит весь этот бизнес, как ему достается наше благополучие, знаете? Тогда и не говорите, что имеете право отказываться! Он для вас готов последнее отдать...

- Прекрати! — прорычал Гаврилыч и влепил дочери пощечину. Аня потрясенно уставилась на него с открытым ртом, потом глаза ее наполнились слезами, она вскочила и бросилась в сад, закрыв лицо руками.

Гаврилыч с досадой хлопнул себя по бокам руками: - Простите, простите друзья... Это недоразумение, сейчас я все улажу...

Он бросил озабоченный взгляд на оторопевшего именинника и торопливо пошел следом за дочерью. Светлана Алексеевна прижав руки к груди, поглядела вслед мужу, перевела взгляд на именинника, который виновато развел руками. Полковник недоумевающее вертел головой, супруга его с приоткрытым ртом смотрела вслед ушедшим. Семен Михайлович, вдруг слабо усмехнулся и полез в карман. Вытащив трясущимися руками стеклянный цилиндрок, он с трудом вытряхнул красный шарик и сунул в рот.

Подошедшие с тарелками и кастрюльками Лидия Матвеевна и Валера, весело болтающие о пользе свежего воздуха для пищеварения, заметили неладное и замолчали.

Валера поставил кастрюльки на стол и хрипло спросил: - Что тут произошло?

Лидия Матвеевна со звоном поставила стопку тарелок на стол и озабоченно схватила мужа за руку: - Что случилось, Сеня? Опять сердце?

- Да-а, тут такое было, - пробормотала вполголоса сестра и хлопнула ладонью по столу, заметив, что полковник уже опрокинул в рот очередную рюмку. — Ну как ты можешь, Костя!

- А чего, - вздернул подбородок полковник. — Все куда-то разбежались, а именинник здесь... Правда Сень? Давай за твое здоровье выпьем, а?

- Давай, - усмехнулся Семен Михайлович, лицо которого порозовело, и похлопал по руке жены, склонившейся над ним. — Все хорошо, родная.

- А где Аня... и остальные? — кашлянув, поинтересовался Валера, вертя головой.

- Да все нормально, - уже обычным голосом сказала Виктория Матвеевна и небрежно махнула рукой в сторону сада. — Димка с Леночкой гуляют в саду, а Аня... тоже решила прогуляться.

- Точ-чно, Степан тоже пошел в сад. Что-то они тут н-не поделили, - изрек полковник, сосредоточенно тыкая вилкой и никак не попадая в скользкий гриб на своей тарелке. — Кричать не кричали, но вроде как поссорились.

- Вот болтун, не знает ничего, а болтает, - осадил своего мужа Виктория Матвеевна, презрительно махнула на него рукой.

Валера бросил на отца озабоченный взгляд, заметил успокаивающий кивок матери и бросился в сад.

- ... И ничего плохого в этом нет. Конечно, было бы удобнее обеспечивать всех желающих отдельными органами, но это нерентабельно. — Помахивая зажатой в руке

салфеткой, говорил увлеченно друг Гаврилыч, оглядывая успокоившихся и вновь собравшихся за столом гостей. Он всегда после третьей рюмки садился на своего любимого конька — медицину и мог говорить долго. Слушали его внимательно и с интересом, только полковник больше интересовался графинчиком с густой оранжевой жидкостью, стоящим перед его супругой и до которого он еще не добрался. Аня сидела, поджав губы, и следила за дочерью, беззаботно размазывающей по щекам торт.

- Гораздо дешевле выращивать сразу целое тело, теперь это узаконено и фермеры быстро переключились на новое производство. Если раньше все боялись Гэ-эМ-продуктов, то теперь только такие старомодные люди, как наш именинник, продолжают упорно возиться с натуральными растениями. Вот посмотрите, - повел Гаврилыч рукой вокруг, не замечая недовольства на лице друга, - все соседи вокруг выращивают модифицированные растения. Поливай два раза в неделю и собирай урожай ведрами... Клубника - с кулак, яблоки — без единого червячка, хочешь дыни — пожалуйста, все теперь у нас можно вырастить. Только посади, а уж дерево или там куст сами вырастут, надо только правильно семена заказывать, чтобы на нашу климатическую зону были рассчитаны. А Михалыч вот, упрямо возится с парниками, над каждым деревом трясется — вдруг померзнет зимой, или тля какая поест летом... В ногу со временем надо шагать, друг мой, использовать достижения науки.

- Вот пусть соседи и кормят своих детей всякой дрянью, - отозвался без улыбки Семен Михайлович, - а я свою внучку лучше настоящими ягодами побалую. Никто ведь не проводит испытаний с модифицированными продуктами, болтовня только идет, что от них вреда нет...

- Зря вы так, дядя Семен, - деловито сказал Димка. — У нас вон, в универе, на кафедре биологии всякие опыты проводят, даже целое хозяйство на них работает. И каждый результат многократно проверяется, сертификаты на каждый продукт делают.

- Чепуха, мы вот их только пробовать начали, и неизвестно, как это отразится на вас и на них, - кивнул на внучку Семен Михайлович. – Проверить последствия таких модификаций сложно, слишком много времени для этого нужно, несколько поколений, по крайней мере. Этого никто не изучает, так было с радиацией, пока воздействия незаметны, все думают – нормально, а потом становится поздно. Рак, лейкемия, физические отклонения... Так ведь уже было не только с радиацией, с удобрениями и лекарствами тоже обжигались. Нам все мало примеров, мы смело бросаемся вперед, по пути прогресса, оставляя за собой миллионы калек ...

- Правильно, Димка, - воодушевленно поднял вилку Гаврилыч, будто и не слышал своего друга. - У меня в хирургии экспериментов не ставят, только по отработанным

методикам действуем. И нечего нос воротить, Михалыч, многие только мечтают о том, чтобы к нам попасть, сбросить отработанное тело... Как ракеты, - оживился удачной аналогии Гаврилыч, - отработала первая ступень - сбросил, отработала вторая — тоже долой... Так и у нас теперь: прожил полста лет — меняй основные механизмы, и еще полста лет живи без проблем.

- Да я не против замены... ступеней, - усмехнулся вяло Семен Михайлович и успокаивающе похлопал по руке жены. — Я против того, что вы так ... бездумно и бездушно подходите к этим вещам. Нельзя так делать, не по-человечески это, не по-людски. Может, кто-то к вам попадет в тяжелом состоянии, на грани жизни и смерти, а вы со мной в это время возиться будете. Сколько сейчас людей гибнет на дорогах, сколько детей ждут очереди на операцию по замене сердца, почек или печени...

- Ну, брат, ты даешь! — вспыхнул друг Гаврилыч. — Не я же это придумал, может с позиции нравственности это выглядит не очень привлекательно, но сколько жизней спасено, сколько людей удалось вернуть к полноценной жизни. Не будем говорить о том, кто достоин обновления больше - политики или бизнесмены, у которых деньги всегда находятся... Но ведь каждую секунду в мире миллионы гибнут. Вот, месяц назад мы Тюнникова на ноги поставили, после той аварии, в когда самолет в воздухе развалился. Он ведь теперь свою теорию психокосмоса закончить сможет, это, брат тебе не гибридная картошка. Разве такие люди не заслуживают жизни?

- Как ты не поймешь, Гаврилыч, что не об этом я. Как на отдельном человеке такие замены и обновления сказываются, вам медикам, виднее. Но то, что спасаете только избранных, как это на обществе скажется – вот мой вопрос. С моралью играть нельзя, тут стоит только оступиться раз и все, общество потом не вытащишь из пропасти, - тоже начал раздражаться именинник, но его перебила бесцеремонная Виктория Матвеевна, о мировых проблемах никогда не задумывающаяся, но сильно интересующаяся более приземленными вещами.

- Так сколько же такое удовольствие стоит, Степан Гаврилович? — спросила она и в ожидании ответа навалилась грудью на стол. Гаврилыч, сбитый с толку, собрал морщины на лбу: - Какое еще удовольствие?

- Ну это, клонирование. Как я понимаю, можно ведь не отдельную часть заменить, а человека целиком, так?

- А, - протянул недовольно Гаврилыч, не любил он, когда его перебивают, да еще начинают интересоваться вещами, в которых мало разбираются. — Порядка тридцати-пятидесяти тысяч, это если полное клонирование делать. Но тут есть свои тонкости, все зависит от возраста, состояния и других... причин.

- Рублей? Или валютой? - снова поставила его в тупик настойчивая Виктория Савельевна. Гаврилыч под насмешливым взглядом Семена Михайловича буркнул: - Да, в евро, но, как я уже сказал...

- А как это все происходит, клонирование? - не обращая внимания на недовольный вид Гаврилыча, продолжала допытываться Виктория Матвеевна, не замечая, как супруг прямо у нее из-под носа всё-таки забрал графинчик с облепиховой настойкой. Гаврилыч обвел взглядом сидящих за столом, встретился взглядом с женой, улыбнувшейся ему ободряюще и обреченно развел руками. Семен Михайлыч усмехнулся: придется теперь другу рассказывать, да только зря он руками разводит, любит о своей работе поговорить, видно, в институте так свободно не поболтаешь. А Светка им гордится, ей приятно, когда на него с открытым ртом смотрят и слушают заворуженно.

- Трансплантация выращенных органов это только часть работы. Потом в дело вступают специалисты по генетике, они регулируют работу организма, изменяют структуру ДНК, убирают выявленные дефекты... Через пару месяцев человек обретает вторую молодость, если можно так выразиться, даже внешне это бывает заметно. Особенно у женщин...

- Так, так, - вполголоса пробормотала Виктория Матвеевна с затуманившимся взглядом. Теперь ей будет чем заняться, решил с неприязнью Семен Михайлович, представляя, как она насыдет на бедного полковника, беззаботно продолжавшего наполнять свою рюмку. Бедный полковник, придется ему свои склады тщательно проинспектировать на предмет излишков.

- Вот видишь, Сеня, - ласково сказала жена, прервав разглагольствования Гаврилыча своими тортами, которые он теперь с большим удовольствием пробовал, закатывая глаза и восхищенно мыча. - Незачем тебе было вставать в позу, Аню вот зря обидели.

- Нет, Лида, все равно не могу, - упрямо сказал Семен Михайлович, тихо, чтобы только она услышала. Жена сокрушенно вздохнула, но спорить не стала. Приветливо улыбнулась сестре, доедающей третий кусок «Наполеона» и кивнула внучке, помахавшей через стол измазанной в креме ручкой. Но от Гаврилыча, вроде бы занятого едой, не ускользнул их обмен репликами. Промокнув рот салфеткой, он поднял фужер с шампанским.

- Давай именинник, за твое здоровье! Чтобы оно стало лучше с нашей помощью!

Семен Михайлович отрицательно покачал головой, на что Гаврилыч внимания не стал обращать и, чокнувшись со всеми, заявил: - Я ведь тоже собрался такую... процедуру

пройти. Возраст-то уже не тот, чтобы петушиться. Да и в институте не на последнем счету числюсь.

Именинник вскинул на него пронзительный взгляд и спросил язвительно: - И когда ж ты, милый, собрался молодеть? Вроде бы на здоровье не жалуешься.

- Скоро, - беззаботно махнул рукой Гаврилыч и тут же заулыбался, глядя поверх головы Семена Михайловича. — А вот и ты, Андрей! Лёгко на помине, вот, познакомься с именинником.

Семен Михайлович с застывшей усмешкой повернул голову, пытаясь разглядеть того, кто подошел сзади, но не получилось. Голова не хотела поворачиваться и он начал разворачиваться всем телом. Развернувшись, он увидел смущенно улыбавшегося молодого человека, которого заметил утром с коробкой в руках. Как сквозь вату слышал бодрый голос Гаврилыча: - Это племянник мой, Андрей...

Семен Михайлович хотел облегченно перевести дух, но вздохнуть уже не смог, правая рука упала плетью, боль рванула под сердцем и он начал медленно валиться со стула.

Потом он оказался в темноте, где ничего не было кроме далеких отголосков, которые он не мог различить и тогда, преодолевая вялость, сковавшую его, заволакивающую черным туманом мысли, он вспомнил. Друг Гаврилыч ведь рассказывал ему, как выращивают клонов, за полгода всего. Доказывал, что никакого человека при этом нет, только тело. Не может выращенное тело иметь сознания, а уж тем более, души. Что это как на птицеферме, где за полгода птиц доводят до кондиции, как только положенный вес наберут, так в пакеты их, на заморозку. Просто кусок мяса, полный комплект запасных деталей, одним словом...

А ему так хотелось объяснить Гаврилычу свой отказ! Чтобы понял и не настаивал. Тридцать пять лет он работал в школе, старался, как мог сохранить в душе каждого своего ученика то, что считал главным - уважение и любовь к себе подобным. Может быть и не получалось у него со всеми, но пусть хоть сотня из тех пяти тысяч, что через него прошли... Он ведь знает себе цену, не великий он педагог. Но честно работал, бывали у него и срывы и конфликты, больше с учителями, да родителями, всякое в школе бывает. Но ведь детей он учил жить по совести, равняться с другими не по одежке или игрушкам, которых у кого густо, а у кого – пусто. Только как же теперь дети жить будут? Если решать, кто достоин новой жизни, а кто нет, будут не люди, а деньги? Среди них были разные, и хорошие и плохие. Но теперь еще больше пропасть между бедными и богатыми, а новые возможности открыты только для тех, кто и так считает себя владеющим вседозволенностью. И как теперь быть с уважением и любовью, если на глазах ребенка

будет умирать его отец или мать, хорошие, но бедные люди и он ничего не сможет сделать. А рядом будут продлевать жизни явные подонки, разливая вокруг, как черный яд, презрение к бедным и ненависть к тем, кто отличается от них лишь толщиной кошелька. Кто сможет потом учить любви и уважению к себе подобным, если жизнь человека станут измерять не смыслом прожитого, а временем между заменой тела?

А они не хотели слушать меня, никто... Даже самый родной мой человек, жена моя не услышала крик мой беззвучный, видно и впрямь никуда не годный я учитель. Если даже сыну не смог передать то, что пытался нести другим. Что ж, моя вина и теперь уже ничего не поделаешь. В новом теле новую душу не обретешь. Так зачем мучаться? Только бы они не успели вернуть меня, не хочу в новый мир, лучше покой. Не хочу...

- Да, да... Начинайте клонирование, образцы тканей у вас есть. Да, это мое распоряжение, начинайте. Страховка заполнена, все оплачено. Начинайте! Как он, давление в норме? Отлично, это только инфаркт, ерунда, справимся. И не рыдай, девочка, ты же врач «скорой», должна бы привыкнуть. Твой старый учитель ещё побеждает, может в школу опять пойдет работать... Мы тебя, дружок мой, на ноги поставим! Сейчас подключим к системе, полгодика ты протянешь, это я тебе гарантирую... Потом — полное обновление и будешь ты, Михалыч, как свежий огурчик со своей грядки... Поехали, поехали!

Тема для размышлений

По своему обыкновению Степан Сергеевич в одиннадцать сварил кофе, добавил дольку лимона, кусочек рафинада и вернулся в кабинет. Сегодня он принялся, в который раз и не упомнишь, перечитывать «Сумму технологий» Лема, в очередной раз поражаясь тому, как много это человек мог предвидеть, но в то же время, как сильно отличалось его видение будущего от того, что происходило в последующие десятилетия. Степану Сергеевичу нравилось перелистывать страницы старой книги, сидя в кресле-качалке у окна, за которым осень празднично раскрасила деревья.

Из прихожей донесся слабый шум и через минуту в комнату стремительно вошел Игорек, его единственный внук, наверняка сбежавший с занятий в школе.

- Привет, дед! Как жизнь? – внук расплылся в улыбке и, подойдя к креслу, легонько похлопал старика по плечам.

- Отлично, Игорек. Скриплю потихоньку. – Степан Сергеевич слабо усмехнулся и отложил книгу на подоконник.

- Что нового в школе?

- Да ничего особенного, вот с физры смотался, снова Петрович в ауте, день рождения у него позавчера был. Зал закрыт, даже не поиграешь в баскет. Девчонки остались ждать географию, а пацаны пошли в кино – чего зря полтора часа терять, а географию и так все знают, теперь в каждом мобильнике карты имеются.

- А ты что не пошел?

Внук пожал плечами: - Да там смотреть нечего, одна бредятина для первоклассников. – Потом потянул носом и заявил: - Я тоже хочу кофе.

- Там осталось немного, но можешь сварить новый.

- Нет, если ты не будешь. И мне надо с тобой кое-что обсудить, - голос внука доносился уже из кухни. Хлопнула дверь холодильника и через несколько секунд он вновь оказался в комнате, в руках у него была кружка и бутерброд с сыром. Присев на старый диван, внук в три куса разделался с бутербродом и, отхлебнув кофе, прищурился на деда. Тот развернулся в кресле к дивану и снисходительно кивнул, ожидая вопросов. Они часто обсуждали проблемы, которых у любого пятнадцатилетнего парня ежедневно возникает множество.

- Вот сегодня поцапался с историчкой. Она снова начала триндеть про новые направления в развитии нашего общества. Приплела каких-то философов, которые обещают переход к глобальному обществу, в котором нашей страна будет играть весомую роль. Только я спросил, а что она под этим подразумевает. Ну, например, желание

делиться своими запасами, сырьем или населением. Так ведь этого добра и у других хватает, мы лучше только тем, что больше других имеем, и в этом вся наша значимость? Она же, вместо того, чтобы ответить честно, начала орать, что наша страна всегда была ведущей в культуре и политике, если бы не мы, так весь мир давно бы развалился... Ты что по этому поводу думаешь, дед?

- В чем-то она права, только тебя такой ответ не устроит, - дед покачивался в кресле, поглядывая на внука, который теребил в руках новый мобильник. Разговоры с внуком вносили в его скучную жизнь пенсионера оживление, скрашивая серые будни.

- Так скажи, в чем я не прав. Разве нас не считают в мире страной третьего мира, сырьевым придатком Европы и Китая?

- Кто и что считает, зависит от его культурного уровня. Если это человек нацелен только на потребление, то да, а если человек хочет духовного развития, расширения границ познания, тогда – нет.

- Ну, дед, опять ты всё сводишь к одному. Если чужак культурный, то наша страна велика и могуча, а если он потребитель, то наша страна – просто задворки международных корпораций. Таких теорий много, есть ведь и другие, более актуальные, которые нам вдалбливают с пеленок.

- Какие же?

- Да те же, что и вам, наверное, вбивали. Надо больше танков и ракет, тогда нам никто не страшен и мы сами будем решать, кому нефть продавать, а кому газ.

Ах, это... Да, когда я пионером был, нам походе говорили. А я задавал своим учителям наивные вопросы, наподобие тех, что ты сейчас задаешь. Зачем мы кормим Кубу и Анголу, зачем гробим своих ребят в Афгане и продаем задешево лес и нефть, когда у нас не хватает квартир, телевизоров и колбасы... Потом Союз развалился, так и не выиграв гонку вооружений, только бедных сделал нищими, а богатые между собой драку начали, чтобы урвать побольше.

- Вот видишь, ничего не изменилось. Не стала наша страна руководить миром, не стала образцом для подражания. Так чего же про культуру говорить, когда от нас ждут только сырья, чтобы после переработки нам втридорога продавать дешевые бусы и зеркальца, как папуасам? Сколько тех, кто ждет новых Чеховых и Достоевских, в мире, где самые популярные герои – Том и Джерри? Почему мы не изменились, поменяв плановую экономику на рыночную? Почему у власти остаются те, кто меньше всего заботится о стране, но слишком много болтает о всеобщем благе? Почему ничего не меняется к лучшему, ведь сколько людей выходят протестовать на митинги, столько болтовни в Интернете, а всё остается по-прежнему?

Внук не усидел на диване и теперь расхаживал по комнате, эмоционально жестикулируя и отбрасывая длинную челку, спадавшую на глаза. Дед покачивался в кресле, глазами следя за его перемещениями.

- Потому и остается неизменным, что кроме болтовни ничего не делается. Квакают лягушки на болоте, пока аист не прилетел.

- Тогда как изменить это? Почему ваше поколение ничего не сделало, ведь можно было поменять власть, вместе с экономикой, сделать богатой страну, а не кучку политиков и бизнесменов.

- Изменить можно, только трудно. Когда мне было тридцать, ещё до развала Союза, была группа единомышленников, которые хотели изменить общество. Наивные мы тогда были, но хотели мир к лучшему изменить. Основные принципы такого изменения разработали, проект составили. Вот только оказалось, что государству такое изменение не нужно, тогда ведь коммунисты строго следили, чтобы никто с общей дороги не сходил в сторону, все под контролем держали. После перестройки пришлось все силы тратить на то, чтобы приспособиться и выжить в обезумевшем от свободы мире, никому наш проект уже был не нужен.

- И что же это за принципы такие были? Раньше ты мне ничего не говорил.

- Так ведь ты и не спрашивал, Игорек. Мал был, интересовался другими вещами. Да и книжек маловато читал, всё больше мультиками увлекался, да играми. Но это нормально, детство у каждого должно быть счастливым.

- Хорошо, теперь я подросток и готов выслушать. Честно, дед, у меня в голове столько вопросов возникает, когда я учебники читаю или ищу в Сети информацию. Только вот мусора много, откровенной глупости и неприкрытого цинизма, а хороших идей или теорий так мало, и найти их трудно. Будто кто-то специально Интернет забивает информационным мусором, чтобы в нем откопать что-то стоящее было невозможно.

- Это ты верно заметил, молодец. Да, есть такое воздействие, власть имущие ведь понимают, что их положение тем лучше, чем меньше народ о серьезных вещах задумывается. Потому и не мешают, а чаще и помогают такой информационный мусор создавать, чтобы, как физики говорят, полезный сигнал шумом заблокировать. Народ ведь должен пар выпускать, когда видит, что лучше не становится. И митинги именно на это направлены. Если поначалу они стихийно возникали, то теперь тщательно контролируются и планируются. Шуму много, а кто выиграл – мало кому известно. Так что ты туда не лезь, только время зря потратишь, выслушивая чепуху и бредни очередного политического паяца.

- Что же тогда делать? Если сидеть дома, то лучше не станет. Может, ваша группа придумала что-то хорошее, тогда поделитесь информацией.

- Хорошо. Историю ты изучал и должен представлять, что с момента появления и до сегодняшнего дня любой тип общества строился по принципу пирамиды: в основании находится основная масса людей, на вершине – правители, которых можно по пальцам пересчитать. А между ними – несколько слоев управления, принуждения и исполнения. При этом интересы основания практически не интересуют вершину, а основные направления развития общества формируются в промежуточных слоях, которые слабо зависят от основания, хотя и постоянно пополняются людьми снизу. На вершине обычно находятся те, кто сумел туда выбраться не потому, что этого хотело большинство, а потому, что это выгодно какому-то среднему слою, или группировке. И так продолжается уже несколько тысячелетий, меняется только толщина прослойки между вершиной и основанием. Согласен с такой картинкой?

- Ну, в принципе, да. – Находившись, внук снова присел на диван.

- Наша группа пыталась найти зависимость общественной структуры от нескольких факторов. Например, от скорости обмена информацией в обществе, уровня образованности общества, количества культурных учреждений... Также искали исторические примеры других структур общества, отличных от пирамидальных. К сожалению, таких структур обнаружить не удалось, но этот поиск позволил создать второй принцип нового общества. Анализ общественного устройства со времен Древней Греции до наших дней дал основание для первого принципа. И последний принцип мы создали уже после знакомства с новыми научными направлениями, в области информатики и связи.

- Дед, до философии мы ещё не добрались, а информатика мне не очень нравится, скучно на уроках, поэтому ты уж как-нибудь попроще объясняй, - развел руками внук.

- Ладно, уровень ваших преподавателей обсуждать не будем, это беда любого современного общества. Выгодно и удобно иметь в основании пирамиды стадо оболваненных потребителей, им легко управлять. А хорошие учителя этому только мешают.

- Пусть при коммунистах вам не дали проект внедрить, но можно ведь было хотя бы на общее осуждение проект вынести. Даже просто мнение других узнать, может он того не стоил, чтобы его применять.

- Мы свой проект хотели вытащить на общее обсуждение, но в Союзе всё было под контролем партии, все СМИ. А обсуждения в узком кругу на кухне мало что дают, да и в КГБ настучать могли, тогда всё новое в штыки принималось, если не было партией и

комсомолом одобрено. Интернета тогда ещё не было, персоналки только появились и стоили дороже автомобиля, сотовых телефонов тоже не было.

- Да, - усмехнулся внук и удивленно помотал головой. – Прямо, как в пещерном веке жили.

- Примерно так. Тогда людей сильно беспокоил квартирный вопрос, который так и остался нерешенным, да ещё проблема дефицита. То шоколад исчез, то водку запретили, сигареты по талонам... Веселое было время, полное ожиданий. Наш проект тогда взяли посмотреть, с нами побеседовали, а потом сунули наши предложения под сукно, а нам посоветовали заняться своим делом, за которое мы зарплату получали.

- Знаешь, дед, а многие в классе не верят, что в магазинах не было колбасы и сыра, что за рубашкой и носками надо было в очереди стоять, а телевизор ждать в очереди.

- Ну и понятно, ваши родители выросли в рыночных условиях, когда спрос определял предложение. И единственной проблемой было наличие денежных средств у нас, прекрасно знавших, что такое очереди и дефицит и не желавших такого знания своим детям.

Дед замолчал, задумчиво покачиваясь в кресле, но внуку не терпелось услышать, что же такого нового могли придумать в прошлом веке несколько энтузиастов.

- Так что там с принципами?

- А, да. Во-первых, мы решили, что новое общество должно основываться на самоуправлении. Каждый, начиная лет с 14, имеет право участвовать в выдвижении, обсуждении и принятии решений по всем вопросам, касающимся жизни общества. Начиная от ремонта дома, в котором живет, до посылки звездной экспедиции.

- Ого, как круто! Только ведь тогда все только и будут заняты обсуждениями, кто же работать станет?

- Такое возможно, если сразу дать такую возможность. Но переход к новому обществу должен быть постепенным, чтобы приучить людей к ответственности. Для этого нужен второй принцип: новое общество должно быть сотовым, строиться на объединении людей в ячейки, по нескольким объединяющим параметрам. Школьник, например, может входить в школьную ячейку, в ячейку по увлечениям, в ячейку своего дома или района. Взрослый человек уже может входить в ячейку по специальности, решать вопросы города, региона, страны.

- Всё равно, как-то это...примитивно, вроде гильдий или кланов. Каждый ведь считает себя самым умным, пока двое между собой договорятся, полжизни пройдет.

Внук почесал в затылке и с сомнением посмотрел на дедушку. Тот кивнул головой, соглашаясь.

- Для того, чтобы решения принимались оперативно, а главное, - чтобы исполнялись, нужен третий принцип. Каждый несет полную ответственность за свои действия, поэтому каждое предложение, поступившее на обсуждение ячейки или всего общества должно быть разумным и аргументированным. В каждой ячейке со временем вырабатывается шкала градации, по которой наиболее опытным и умелым присуждается определенная степень эксперта. Эксперт будет выступать в роли цензора предложений и руководителя работ, которые ячейка решит осуществить. А это требует большой ответственности, помимо энергии и высокого уровня знаний. При постановке сложных вопросов эксперты могут объединяться, вырабатывая компромиссное решение. Вопросов на уровне государства будет немного, большинство проблем будут решаться на местном уровне, заинтересованными членами ячеек, которые могут объединять свои усилия и доступные средства.

- Ты хочешь сказать, что вопросы международной политики или глобальной экономики будут решаться сообща? Но ведь мнение большинства не всегда является верным, в истории разве мало примеров, когда большинство выдвигало своих вождей, которые приводили всё общество в такую яму, из которой трудно выбраться?

- Нет таких примеров в истории, внучек. Всегда вожди, которых, якобы выдвигал народ, на самом деле оказывались ставленниками определенных группировок, обычно преследующих корыстные интересы. И никогда ни один вождь не интересовался мнением большинства, ему это было не нужно, ведь он был марионеткой. Это трудно обнаружить, ведь после прихода к власти любой правитель всегда стремится скрыть или уничтожить средства и методы, с помощью которых он возвысился. Поэтому в новом обществе, которое мы хотели видеть в будущем, интересы и мнение большинства станут решающими. Ни один народ не хочет войны или разрухи, никто в здравом уме не станет уничтожать своих сограждан ради чужих интересов.

- Хорошо, придумали основные принципы, на которых строится новое общество. Общие интересы превыше всего, все вопросы решаются голосованием. Каждый может стать экспертом, который будет отвечать за принятое решение. Чего же вы не занялись таким проектом, когда Союз развалился? Самое время было кинуть в народ такую идею.

- Для вывода такого проекта на обсуждение нужно было иметь средства, и немалые. Газеты тогда печатали только сенсации или рекламу, которая давала возможность существовать. Наука лишилась финансирования, система образования тоже зачахла... Страну начали разворовывать те самые партийные функционеры, которые до этого «заботились» о всеобщем благе. Мы в 91-м только начали испытания первого варианта психодиагностической системы, которую сделали втихаря от начальства, и

которую собирались внедрять в учебные заведения. А тут начался бардак, группа распалась, каждый начал бороться за собственное выживание.

- Ну ладно, пусть тогда не получилось, но ты ведь мог сам что-то сделать. Что для этого нужно было? Только деньги и всё?

- Нет. Деньги это вопрос реализации. Главное – чтобы была команда, готовая работать долго и целенаправленно, без отклонений от выбранного курса. Сразу такой проект внедрить невозможно, я тебе об этом говорил. Нужен постепенный переход, поэтапный. Мы подготовили сценарий для первых двух этапов, который сейчас, наверное, выглядит примитивно, но это поправимо.

- И сейчас это можно использовать?

- Конечно. Я теперь думаю, что начини мы тогда, тридцать лет назад такой проект, ничего бы толкового не вышло.

- Почему это?

- Для нашего проекта нужна была возможность свободного информационного обмена. Мы мечтали, что при реализации проекта будет использоваться телефонная связь, некоторые уже тогда видели перспективы использования компьютерной сети, тогда это только развивалось. Но никто из нас тогда и не предвидел такого быстрого развития мобильной связи, сотовых и спутниковых систем, рассчитывать приходилось только на поддержку государства, которое все эти каналы связи полностью контролировало. В начале века можно было проект запустить, только некому оказалось. Людей настроили на потребление, всё стало доступно и о высоких материях забыли. Теперь средний класс наелся, стал о высоких материях задумываться, на митинги пошёл. Только единой цели нет, одни протесты...

- Хорошо, скажи, каким образом это можно изменить.

- Ты хочешь этим заняться? Тебе ещё учиться надо. Ну да ладно, - дед побряхтывая, поднялся с кресла и, подойдя к книжному шкафу, присел и принялся копаться в нижнем отсеке, заполненном старыми папками и пожелтевшими журналами.

- Вот,- выудил он потертую картонную папку. – Это наш проект, там все расписано.

Пока внук развязывал тесемки и рассматривал первые листы с машинописным текстом, с пометками на полях, дед снова уселся в кресло.

- На первом этапе нужно было ознакомить с текстом проекта все население и провести референдум или хотя бы опрос, чтобы, получив критические замечания, собрать единомышленников и доработать проект до рабочего варианта. Потом предполагалось внедрить психодиагностическую систему, которая могла помочь не только школьникам в

выборе профессии и призвания. Ведь никто так просто от власти не отходит, мы хотели внедрить обязательную проверку тех, кто хочет заниматься вопросами управления обществом на альтруизм и соблюдение общественных интересов. Чтобы к власти постепенно пришли те, кто действительно способен и готов самоотверженно работать на общее благо.

- А как же тогда с теми, кто не захочет уходить? Где столько бескорыстных и честных людей набрать, которые смогут чиновников заменить?

- Вот, видишь, ты правильно видишь основные проблемы. Система одновременно должна была работать в школах, техникумах .ВУЗах. Сейчас ведь каждый сам по себе, а судьба чаще всего зависит от кошелька родителей. Кто-то имеет способности стать хорошим педагогом, но у родителей нет денег, чтобы отправить ребенка учиться в хороший ВУЗ. Да и мода сильно влияет на выбор профессии. Сейчас все хотят стать банкирами или президентами, но ведь не каждый обладает способностями. Вот и ширится армия бездарных исполнителей, а нужно создавать льготные условия для талантливых, помогать им.

- Ну, тут ведь от учителей многое зависит. Если в школе одни дураки работают, так как они могут чьи-то таланты разглядеть, тем более развить?

- Так система тестирования была бы как раз таким мериллом, которое через десяток лет даст новое поколение хороших учителей, врачей или инженеров. Людям бы понравилось жить интересно, принося пользу себе и другим. Тогда и недовольных стало бы меньше, да и потребление алкоголя и наркотиков сошло бы на нет, ведь люди к ним обращаются только потому, что своего призвания, достойной цели в жизни найти не смогли. А попробуй какой дурак покомандовать теми, кто себе цену знает и его насквозь видит? Не получится, ему подчинятся никто не захочет, а заставить тоже некому будет, где найдешь тупого исполнителя, который захочет всю жизнь чьи-то приказы исполнять, когда вокруг все живут интересно и в радость? Вот тогда начинался второй этап, на котором внедрялось самоуправление, сначала на уровне ячеек, поселков и городов, потом и до всего государства дошло бы. Лет за шесть, наверное. Вот для этого современные системы связи очень бы подошли. У каждого есть телефон, который легко использовать как коммуникатор. Надо что-то обсудить и принять решение – посылай сообщение, теперь ведь помимо текста картинки и графики можно использовать. Тут высокая скорость обмена информацией и понадобится. Да и результаты голосования можно быстро обработать, в каждом телефоне теперь компьютер имеется...

- Ладно, дед, давай-ка обедать. Я пойду, разогрею, а проект твой потом посмотрю. Тут есть над чем покумекать, как говорит наш трудовик, когда мы что-нибудь в школе

сломаем, а ему чинить приходится. Да и ребятам надо показать, сейчас сайт сделать не проблема, может, и спонсоров найдем подходящих.

- Посмотри, может не только тебе интересно станет, - улыбнулся вслед выходящему внуку Степан Сергеевич, и в душе его затеплился огонек надежды.

Спасибо за прочтение.

Автор надеется найти издателя для этой и последующих книг.

Отзывы можно высылать на E-mail: **olbant@yandex.ru**